читатель
Ж 48
1965

Б-24
748—
1965

Л. БАРАНОВ

ДОНБАСС НА ПЕРЕЛОМЕ

ОГИЗ — МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ — 1931

469/50 бр
7766

248—
1965
Б-24

Я. БАРАНОВ

ДОНБАСС НА ПЕРЕЛОМЕ

ОЧЕРКИ

41225
Замо-кво… й райком
В.К.П.(б)
БИБЛИОТЕКА

ОГИЗ—МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
1931

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие . . . . . .
Тревога . . . . . .
Слово о механизмах . . . . . .
Думайте же о кадрах . . . . . .
Так держать темп . . . . . .
Горняцкий тыл . . . . . .

Государ. публичная
Историческая
Библиотека РСФСР
№ 25363 1966

Главлит № А 87760 МГ № 362 Заказ 1744 Д—2 Тираж 151

Тип. „Рабочий Ленинец" ОГИЗ'а, Москва, Б., Вузовский пер., д. 1.

ПРЕДИСЛОВИЕ

УГОЛЬНЫЙ Донбасс—„всесоюзная кочегарка"—закончил второй год пятилетки с позорно низкими количественными показателями. Получив в прошлом году боевое задание — дать стране 40 млн. тонн угля, Донецкий бассейн выполнил лишь 90,5% программы, выдав на-гора около 36,2 млн. тонн. Правда, по сравнению с прошлым 1928/29 годом Донбасс сделал колоссальный скачок вперед, превысив добычу почти на 6 млн. тонн (20%), однако 1929/30 хозяйственный год был закончен с огромным долгом стране, исчисляющимся почти в 4 млн. тонн.

В чем основные причины такого большого производственного прорыва, принявшего за последние месяцы 1929/30 г. исключительные размеры? Ведь в первые месяцы прошлого хозяйственного года большинство шахт Донецкого бассейна не только выполняло, но и перевыполняло программу, тем самым на деле показав безусловную реальность полученного задания.

Причин много. Но главными, основными, затянувшими прорыв на долгие месяцы, явились бездеятельность, инертность, безинициативность, оппортунистическое благодушие низовых звеньев партийных, хозяйственных, профсоюзных и комсомольских организаций. Когда в летние месяцы из Донбасса ушли на полевые работы десятки тысяч горняков, связанных с сельским хозяйством, когда шахты бассейна остались без рабочей силы и кривая добычи начала резко падать, что сделали „треугольники"?

Вместо того, чтобы правильно расставить оставшиеся кадры и полностью использовать их; вместо того, чтобы максимально загрузить имеющиеся на шахтах механизмы; вместо того, чтобы бросить партийный и профессиональный актив в забой, где решается судьба плана; наконец, вместо того, чтобы возглавить инициативу горняцких масс, организовавших на базе соцсоревнования и ударничества прекрасно работающие производственные сквозные бригады и коммуны и повести их на штурм, на ликвидацию прорыва, — „треугольники" — в расчете на самотек — бездействовали, прикрываясь сонмом ими же рожденных „технических неполадок", расписывались в собственной несостоятельности.

Создавшееся в Донбассе положение совершенно правильно охарактеризовал партактив Сталино-макеевского района, который во второй половине сентября, заслушав доклад тов. Молотова, в своей резолюции сказал:

> „Несмотря на огромный рост производственного под'ема в рабочих массах, парторганизации Донбасса за последний период... не сумели своевременно перестроить свою работу в соответствии с производственными изменениями в хозяйственной обстановке, не дали в ряде случаев большевистского сокрушительного отпора элементам оппортунистического благодушия в хозяйственных, профсоюзных и кооперативных органах, не обеспечили со стороны всех работников необходимой большевистской сознательности, дисциплины".

В Донбассе — прорыв, а в эти дни соцсоревнование и ударничество ушли в „продолжительный отпуск". Шахты растеряли ударников и соревнующихся, потому что оппортунистическое руководство оставило их беспризорными, считая, что „вопрос снят с повестки дня".

В Донбассе — прорыв, а о встречном промфинплане до второй половины сентября никто и не слыхал. И это не случайно. Ибо в шахткомах и шахтпарткомах находились работники, которые считали, что встречным заниматься не время: „дайте раньше ликвидировать прорыв, потом займемся встречным".

В Донбассе — прорыв, нужны рабочие кадры, надо задержать людской конвейер, надо закрепить завербованных, а „треугольники" обходили бытовые вопросы горняков. Необорудованные жилища, безобразная работа кооперации и общественных столовых множили ряды летунов, прогульщиков, гнали рабочих из шахты на шахту. В то же время ни хозяйственники, ни профсоюзы не сумели организовать борьбы со злостными симулянтами, лодырями и „летчиками", которые пользовались всякими трудностями, всякими перебоями—лишь бы побольше содрать с государства.

В Донбассе—прорыв, а „технические неполадки" ежедневно съедали десятки тысяч тонн угля.

Администрация не умела организовать работу—„технические неполадки"; технический надзор слаб, расхлябан, не сумел, не захотел четко работать—„технические неполадки"; многосуточные простои целых лав, уклонов из-за нераспорядительности инженера, техника, заведующего шахтой—„технические неполадки". Это они, „технеполадки", стали знаменем оппортунистического руководства.

В Донбассе прорыв, а механизмы—стальные забойщики, железные саночники—использовались только на 30-50%.

В Донбассе прорыв, нехватает людей, но никто, никто не вспомнил о машинах. Не вспомнили потому, что недопонимали значения и роли механизированной добычи.

„Производственный прорыв в Донбассе, — подчеркивает октябрьское постановление ЦК ВКП(б), — вскрыл, что в хозяйственном руководстве угольной промышленности было сделано серьезное упущение, выразившееся в недооценке значения механизации Донбасса, как решающего фактора в развитии угольной промышленности в данный период".

В Донбассе — прорыв, в Донбасс партия, комсомол, государство посылают десятки тысяч комсомольцев, колхозников и батраков, а „треугольник" встречает молодое пополнение, если не в штыки, то с большим холодком. Пораженные оппортунизмом отдельные звенья низового руководства не верят в производственные возможности комсомола, революционной молодежи, не понимают, что эта боевая армия энтузиастов социалистической стройки может и должна стать основным кадром нового, механизированного, подлинно социалистического Донбасса.

Таковы главнейшие причины, которые вызвали столь продолжительный производственный прорыв на решающем участке социалистического строительства в нашем Союзе.

Последние дни сентября открыли новую страницу в истории угольного Донбасса. В эти дни по почину и при помощи Центрального комитета нашей партии большевики Донбасса со всей остротой выдвинули и во весь рост поставили для разрешения важнейший вопрос сегодняшнего дня — ударную борьбу за механизированную добычу, за максимальное, наиболее эфективное использование механизмов, за лучшую организацию труда.

Сентябрьское обращение и октябрьское постановление ЦК поставили Донбасс на новые рельсы борьбы со всеми недостатками, на новые рельсы побед. В горняцком Донбассе поднялась новая мощная волна огромного производственного под'ема шахтерских масс.

Первое октября — „всесоюзный день ударника" — поставил первую веху на пути развернутого наступления по всему угольному фронту. В этот день в шахтах Донбасса были созданы сотни ударных сквозных бригад и коммун, в которых тысячи ударников-энтузиастов повели лобовую атаку против тормозов, задерживающих выполнение программы ударного квартала.

Седьмого и восьмого ноября, в дни октябрьских торжеств, горняки Донбасса по предложению старого шахтера Кочуры, отказавшись от праздника, вышли в шахты, в забой, чтобы оплатить вексель стране.

Штурмовой месяц, который проводят горняки Донбасса в ответ на контрреволюционные действия агентов мировых империалистов, шпионов, вредителей, представших перед пролетарским судом, — новый этап героических боев за уголь, за социализм.

Усилиями многотысячной армии горняков, под правильным руководством ленинской коммунистической партии, отметая оппортунистов всех мастей, угольный Донбасс выравнивает фронт.

В эти дни Донбасс дает в сутки 120 тысяч тонн угля вместо 60 тысяч в летние месяцы. Программа еще не выполняется, но перелом, огромный перелом есть! И нет сомнения, что донецкие горняки, победоносно справлявшиеся со всеми трудностями, возьмут и этот Перекоп на индустриальном фронте.

Вперед за уголь! Победа обеспечена!

Автор.

ТРЕВОГА

ПОМНИТЕ 1919 г.? Откормленные на хлебах мировой буржуазии, белогвардейские банды Деникина, сыны помещиков и банкиров, „столбовых дворян“ и фабрикантов обрушились на горняцкий Донбасс, чтобы лишить молодую, только что рожденную в кровавых боях республику советов черной крови — лишить угля. Только вчера Донбасс выгнал из своих шахт и балок войска кайзеровской Германии, еще сочилась кровь из ран, нанесенных германскими и петлюровскими бандами, как снова партия, пролетарская революция звала горняков к оружию, к новым боям за сохранение завоеваний Октябрьской революции.

Помните, в те дни, в дни боевой тревоги, когда на весы истории были брошены судьбы существования советского Донбасса, тысячи горняков, революционных пролетариев угольного Донбасса оставляли затопленные шахты, заваленные штреки и бремсберги, шли на зов партии „в последний, решительный бой“? Враг наступал.

Тревожные гудки рвали напряженную тишину замерших в боевом ожидании шахт и рудников, созывали на шахтные дворы и на площади шахтерских поселков горняцкую семью, чтобы сообщить ей боевые донесения с фронта, поставить под ружье новые батальоны горняков... Победить или умереть!..

Революция победила. Рабочий класс под водительством коммунистической партии уже несколько лет— второй десяток—строит первое в мире социалистиче-

ское государство, осуществляет невиданные доселе темпы победоносного строительства социализма. Пролетарская страна, пользуясь кратковременной передышкой, на всех парах мчится к разрешению своей боевой задачи—„догнать и перегнать".

И вдруг...

... В сентябрьский вечер 1930 г. вновь на многих шахтах Донецкого бассейна раздались тревожные гудки, десятки рупоров, как и тогда, в незабываемом девятнадцатом году, бросали в каждый поселок, в каждую казарму, каждому шахтеру боевой клич:

Тревога!

Тревога!!

Тревога!!!

. . . . . .

... Враг наступает! Пролетарский Донбасс сдает завоеванные позиции! Горняки Донбасса не выполняют заданий партии и всего рабочего класса! На фронте труда, на фронте боев за уголь, за „хлеб для промышленности", за социализм —

Глубокий производственный прорыв!

— Все силы, всю волю, всю энергию—на немедленную ликвидацию этого прорыва. Донбасс должен во что бы то ни стало приостановить отступление!

... Площадь шахтерского поселка на Смолянинов-ских рудниках залита горняцкими массами. Тревожные гудки, мощные рупоры созвали на площадь тысячи подсменных горняков, горняцких жен, детей.

Рупор бросал в сознание каждого собравшегося тяжелые, как уголь, черные, как смоль, позорные, как преступление, слова:

— Десять месяцев Смолянка не может смыть своего имени с черной доски. Топки индустрии требуют угля, паровозы, наш транспорт ощущают огромнейшее напряжение из-за нехватки топлива, наши домны и мартены голодают.

Огромная доля вины за переживаемые нами топливные затруднения падает на нас, смолянинцев: мы недодаем на-гора угля, которого требует наша страна.

— Почему? Почему мы отошли, отброшены в глубокий тыл боев за уголь, в обоз второго разряда, в то время как пролетариат всего Советского союза, как и многие шахты Донецкого бассейна, дерутся на передовых позициях? Разве в первые месяцы этого года мы не выполнили программы с лихвой и тем доказали, что задание наше реальное, осуществимое, которое мы можем выполнить? Доказали. Так почему же мы не можем смыть десятимесячное позорное пятно, покрывшее боевую Смолянку?

Рупор ставил вопросы в упор. Шахты, дающие лучший коксующийся уголь, решающие шахты района не могут, не должны, не смеют плестись в хвосте. Когда идет развернутое наступление по всему фронту, тот, кто топчется на месте, тормозит успешное продвижение вперед, играет на руку врагу.

Смолянцы, держите ответ!

... На землю спустились густые сумерки. На площади, на импровизированной трибуне-грузовике замелькали огоньки шахтерских лампочек. Скудный свет вырывал из тьмы небольшие куски пространства, освещая напряженные лица собравшихся.

Старый шахтер — забойщик Василий Рожин — медленно взобрался на трибуну. Подняв в уровень своего лица лампочку — шахтерку, точно желая осветить всю площадь, он сначала медленно и тихо, но затем со все нарастающей быстротой, все громче говорил:

— Нет никаких нам оправданий. Оскандалились на весь рабочий Союз. Изо дня в день все больше и больше остаемся в долгу перед нашим государством. Подымешься из шахты, подойдешь к конторе и всегда одно—наряда не выполнили.

А все потому, что не могут наши хозяйственники, инженеры и техники организовать как следует работу,

правильно использовать рабочую силу, машины; все потому, что есть еще среди нас дезертиры трудового фронта! Там вагонетку „забурило“, здесь канат соскочил, а там костыля нехватает—все „технические неполадки“. Вот и ходим мы с нашими показателями на костылях.

Товарищи! А прогулы? Позор нашей горняцкой семье. Знаете ли вы (известно, знаете, потому как программу совсем не выполняем), что за один, за август месяц мы, горняки одиннадцатой шахты, прогуляли 27 тыс. рублей, мы оставили в лавах, в проходках, под землей почти $2^1/_2$ тысячи тонн.

А? Хорошо работаем? И это на себя, на свое государство, и это, когда СеСеСеР нашей нужен уголь во как, до зарезу.

Рожин заметно заволновался; все чаще и чаще размахивая шахтерской лампочкой, он поворачивался во все стороны площади и бросал в темноту шахтерского поселка, в густо начиненную горняками площадь бьющие сознание цифры потерь.

— Позор!

— Позорно и мне, нам, старым кадровикам. Или забыли мы тяжелые годы гражданской войны, или „забурило“ нам память о голодных днях 21-го? Что, сдавались мы тогда? Нет же. Так разве теперь, как говорится, у порога окончательной победы, к лицу нам топтаться? Доколе же мы, смоляниновцы, будем продолжать сидеть по балкам?

Наша партия сегодня снова зовет нас покончить со всем, что мешает нам стать передовыми бойцами. Сегодня, товарищи, день боевой тревоги. Да, тревога немалая. Так, товарищи, давайте же поставим крест на наши неполадки, давайте вместе со всеми рабочими ответим на призыв решительным, геройским ударом. Подмога нам подошла: тут и комсомольцы, тут и колхозники, тут и батраки. Значит, дело верное, значит, дело за нами.

Рожин окончил, но с грузовика несколько мгновений не уходил. Потом, сделав несколько шагов в глубь платформы, он вдруг вновь рванулся к трибуне и переждав аплодисменты, крики: „правильно, Рожин!“ во весь голос заявил:

— Я не хочу уходить с этого места, не сказав вам, не потребовав от вас вот здесь обещания, клятвы, что смоляниновцы сегодня же, в эту смену, которая начнется через полчаса, по-настоящему, по-горняцки примутся за дело; что позор, которым мы клеймены почти целый год, будет смыт. Иначе быть не может. Понимаете—не может!..

...Рупор называл фамилии прогульщиков, пьяниц, лодырей, фамилии „паршивой овцы“, которые крали, обворовывали страну на 5, 10 и даже 12 дней в течение одного месяца. На втором грузовике молодежь представляла каждого в лицах.

Карнавал не смешил, карнавал напоминал, гвоздил сознание митинга, что вот эти единицы, эти десятки (их было до 40) приковали Смолянку к тачке черепашьих темпов.

... Рупор рассказал всем смоляниновцам о лучших ударниках. Десятки шахтерок освещали появлявшихся на трибуне бригадиров, которые сумели в эти дни отступлений, поражений и бессмысленного топтания использовать могучее орудие социалистического соревнования сквозных ударных бригад, производственных коллективов, чтобы тянуть вверх кривую добычи на своих участках:

СЕМЕНОВ — 104%,
ТВЕРДОХЛЕБОВ — 105%,
МАЙДАНОВ — 108%,
ПЕТРЕНКО — 111%.

Вот, чьи бригады держат боевые темпы, кто смена в смену не сбивает, не плетется, не отступает.

Но их немного, их недостаточно, чтобы вывести Смолянку из тупика и потому здесь—т р е в о г а!

Их немного, потому что партийная организация, профсоюз, хозяйственники оказались серьезно больны, поражены оппортунистическим неверием, расхлябанностью и безинициативностью.

„Треугольник" видел, как шахта катится под откос. „Треугольник" знал (хоть и плохо) о героической, примерной работе ударников, о тяге масс в бригады, коллективы, но оппортунистические „вожди" держали курс на самотек.

— Уладится, придет время, подтянемся, да и программа тяжеленька, как тут ее вытянуть?

И потому тревога еще серьезнее, еще опаснее, еще острее.

...Говорили мало, говорили немногие, говорили коротко. Но сказали ясно, определенно, крепко:

— Прогульщики съедают ежемесячно тысячи тонн угля, десятки тысяч рублей, а хозяйственники, а профсоюз няньчатся с ними, ни разу не попытались твердой рукой вышвырнуть их за терракон.

— „Технические неполадки" заедают: нет в лавах порожняка, а его на шахте хоть „пруд пруди", людей нехватает, а спускаешься в шахту и целую упряжку гуляешь, спишь, потому что не дают работы; на шахте мало рабочих, а механизмы гуляют, „бурятся"... Хватит говорить, говорили целый год, но все как дым в трубу.

— Смоляниновцы одни из первых начали соревноваться, но куда годится такое соревнование, если администрация сегодня одну часть бригады гонит на западный уклон, а другую — на восточный, если сегодня делаем одно, завтра—другое; если результатов соревнования не видно, шахта о них не знает, не знают и сами соревнующиеся... Хватит говорить, ведь соревнующиеся у нас беспризорны, к ним нет никакого дела нашему „треугольнику". Да и треугольник-то наш... эх!—правильно его называют кругом, „заколдованным кругом".

...И потому—т р е в о г а! б о л ь ш е в и с т с к а я т р е в о г а!

...Гудки прогудели смену. Митинг боевой тревоги надо кончать.

— В н а р я д н у ю!—прокричал трижды рупор:—Смоляниновцы, деритесь, как черти, за уголь для социалистического отечества, сметайте со своего пути оппортунистических паникеров, аллилуйщиков, героев черепашьих темпов, рвите путы, стоящие на нашем победном пути к осуществлению топливной пятилетки в три года.

День боевой тревоги—день всеуничтожающего поворота к наступлению.

Смоляниновцы, вперед! Есть вперед!

Горняки шумно расходились.

Оркестр играл „Марш Буденного"...

СЛОВО О МЕХАНИЗМАХ

ТРЕТЬ и половина...

Тридцать—сорок—пятьдесят процентов...

С таким позорным, ничем не оправдываемым процентом использования пришли к концу второго года пятилетки металлические забойщики Донбасса—врубовки и пневматические молотки, железные саночники-конвейеры.

В лето 1930 г. Донбасс стал перед фактом небывалого отлива рабочих-сезонников на полевые работы. Весеннее и летнее солнце всегда забирало из шахт, из рудников значительные массы рабочих на поля, на урожай.

Земля зовет...

Но в этом году этот зов оказался особенно властным, потому как—

Нонешним летом уродило столько,
сколько не видывали уже годков сорок.

Толкала и кооперация, уходу способствовало и общественное питание: начались многочасовые стояния в очередях за продуктами (кооперация, „зараженная нэпманским душком", не смогла маневрировать), целые смены простаивали и просиживали в столовых за завтраком, за обедом, за ужином.

И пятьдесят тысяч горняков из двухсоттысячной армии ушли из раскосок и проходок, оставили лопаты и обушки, одни с тем, чтобы „обмолотиться" и „засеяться", другие — чтобы „поискать, где лучше организовано".

Кривая добычи полетела вниз „с ветерком".

Из шахт растерявшееся руководство начало подавать тревожные сигналы:

— Забои стоят! Программа по добыче под ударом! Черная кровь застыла в лавах, на проходках, в разминовках! Людей, только людей!

А механизмы? А врубовки, а отбойные молотки, а лебедки, а конвейеры?

Они преспокойно лежали на шахтных складах, они отдыхали в забоях, они отражали в себе обывательское спокойствие и „мелкобуржуазную ограниченность" руководящих шахтных (и, к сожалению, не только шахтных—районных, окружных) „треугольников". О машинах не думали, о машинах забыли, они „выпали" из плана борьбы за план и по вертикали и по горизонтали. Нет нужды перечислять кладбища механизмов (в те дни не найти шахты, которая бы сумела заставить работать машины большевистскими темпами), но спуститесь в шахты Луганщины, Артемовщины, Сталинщины, Шахтинского округа, и всюду вашему взору, вашему вниманию предстанут машины не у дел.

Хотите все же фактов? Извольте. До середины октября на Щегловке из 24 врубовых работало 11; на „Американке" из 38 металлических забойщиков уголь грызли лишь 20; на Смолянке—из 11 было только 2 „трудящихся" машины; на Петровке из пяти врубовок

пять бездействовало. И так на многих, на подавляющем большинстве шахт „всесоюзной кочегарки".

... Мы идем с участковым техником по главному ходу шахты Валентиновка...

— Проклятая Валентиновка: она тянет вниз все шахты нашего Ровенецкого крыла, она костью стала нам поперек горла и, хоть тресни, не вытянешь ее. Сколько зубов мы уже сломали на этой Валентиновке, а она вот уже четвертый месяц 40% программы и никак не больше.

Участковый техник Яблоновский — на эту шахту прибыл недавно. Он еще молодой техник, лишь несколько месяцев тому назад сдал экзамен „на ответственность", на шахтах работает третий десяток годков, прошел все этапы горняцкой работы. Из шахтеров выдвинулся в техники.

— Шахту,—говорит он мне через спину: ход сильно сузился и мы пробираемся гуськом,—знаю на большой палец; она у меня как на ладони, без лампочки берусь пройти по проходам. Еще в двадцать втором, когда о машинах и не мечтали, работал я на этой шахте. Тяжело было, куда тяжелее, чем сейчас: ведь все гнали вручную, но задание вытягивали. А теперь—гляди — и врубовые заимели, и конвейер установили, и рештаки, а вот поди же—шаг вперед, два назад.

—Стало быть с машиной хуже?

Яблоновский остановился. Дальше ход раздваивался: вправо механизированная двадцать первая лава, влево подготовительная работа по продольной проходке.

— Пойдем, что ли, на механизированную?—предложил он,—пласт, правда, у нас сейчас в три четверти, трудненько двигаться будет, но пойдем—я там со вчерашнего дня не был. Береги только башку: того и гляди на крепления нарвешься.

Мы двинулись в 21-ю. Через десяток-другой шагов нам пришлось сначала „счетвериться"—ползти на коленях, а потом и на животе.

— Тесно, браток, низковато, зато идешь только вперед, ни в сторону, ни обратно ходу не найдешь. Вперед, и никаких „уклонов“,—закончил Яблоновский свои рассуждения.

Издали к нам начали доноситься звуки, подобные рычанию раз'яренного зверя. Они то затихали, то вновь усиливались, точно зверь в решительной схватке сошелся со своим врагом.

— Во, слышь, врубовка грызет.

Мы выползли на небольшую полянку. Здесь можно уже было сесть, поставить рядом лампочку, закурить, расправить онемевшие ноги и утомленные руки. Рядом в двух шагах от нас врубовка Эйкгоффа вгрызала свой девятичетвертовый бар в крепкий, блестящий антрацит. Рабочие отбирали уголь от породы, набрасывали в конвейер, который подавал уголь в вагонетки.

Я повторил вопрос:—Так значит, Яблоновский, с машиной стало хуже?

— Не с машинами, дорогой товарищ, а с людьми для этих машин. Понял? Подожди, разузнаю, как работа идет у них в эту смену, а потом потолкуем.

Яблоновский отполз к работавшей в десяти шагах у врубовки группе шахтеров, несколько минут с ним поговорил, проверил цепь, взял несколько кусков антрацита, поднес к лампочке, посмотрел, а затем, крикнув конвейерщику: „Проверь привода“, возвратился на нашу полянку.

— Да, так вот насчет машины. Скажу тебе сразу главное—врубовка должна циклировать 22-25 раз в месяц, а у нас—13-15 самое большее. Вот и получается, что гуляет машина, а возле нее и люди прогуливают.

Спросишь—почему так, почему только 13 циклов? Очень просто: не умеют у нас обращаться с машиной. Не хотят уметь. Только подумай: ведь до сих пор никто по-настоящему не занимался машиной. Чего больше, если администрация, если технический пер-

111925

сонал (не говоря уже о многих, о большинстве рабочих) смотрят на механизмы, как на „принудительный ассортимент", с которым забот не оберешься.

Почему? Машина требует ухода, машина требует четкой работы, машина требует знаний. У нас же на шахтах ни того, ни другого, ни третьего. Что говорить об уходе за машинами, ежели они годами не чистятся, не ремонтируются в то время как по правилу их должны чистить ежемесячно. Что говорить о четкой работе, если вот администрация, технический надзор частенько не знают, куда бы это, на какую работу сегодня послать смену. Что говорить о знаниях машины, если у нас мало кто из техников, даже из инженеров знает конструкцию машины и может в нужный момент ее полечить.

Взять хотя бы меня. Ну, какие у меня, техника из рабочих, могут быть знания машины, ежели ни курсов, ни технической литературы днем с огнем не сыщешь?

Хозяйственнику до всего этого дела нет. Мало думают, заботятся об этом и наши партячейка, профорганизация. Сколько раз я уже и в партийном порядке, и в общественном,—в каком хошь—ставил, подымал вопрос о том, что пора заняться механизмами, но дальше протоколов дело не двигается.

Ты спросишь: а все-таки кто же сидит у машин? Эх, тут-то она ему и сказала. Машинистов у нас раздва и обчелся. Они знают это и пользуются во-всю. Механизаторы стали прямо кастой, понимаешь, кастой, ограниченной в своих личных интересах, а рвачество у них, прямо-таки, механизировано. Гони монету—побольше, работать—поменьше—вот, как бы сказать, их лозунг.

Яблоновский посмотрел на часы. Приближалось время смены. Надо было еще успеть заглянуть на откатку, а затем поспеть на-гора, в нарядную, чтобы расписать смены.

— Заболтались мы сегодня с тобой. Посмотри вот на того, что сидит у машинного бара, с папироской в зубах, пойдем обратно, кое-что расскажу о нем, а сейчас—двинули.

Мы проползли еще минут пять и сразу оказались в высоком прохладном коридоре. Здесь—конвейер, сюда подкатывают вагонетки, которые он начиняет углем. Конвейер бездействовал. Откатчики спокойно сидели у своих вагонеток, покуривали и обсуждали:

— Чи дамо сьогодні на горі ще вугилья, чи конвейер простоить до конця упряжки. Останні дни годин за півтора два до зміни він обов'язково припинеться замовчить аж пока прийди час вылазить з шахты.

— Антоненко-о!—крикнул Яблоновский конвейерщику—чего стоишь? Откатчики заснули ожидаючи.

Глухой, придушенный подземельем голос лениво, с растяжкой, не спеша отвечал:

— Привода расшатались, ключа нет, послал в мастерскую за слесарем, ждем, потому и стоим.

Яблоновский был бессилен сейчас заставить конвейер работать, но, крепко выругавшись, приказал Антоненко после бани зайти в контору: „Я тебе пропишу привода". Он приказал откачикам пока убирать породу.

— Вот лучшее доказательство бесконтрольности работы на механизмах,— продолжал Яблоновский, когда мы двинулись в обратный путь.—Он знает: машинистов, механизаторов у нас нехватает, их нет, его не уволят и потому пользуется, злоупотребляет своим положением. Антоненко этот, как и тот машинист, что сидел у врубовки—одного поля ягоды: рвачи. Когда машинисту Колесникову сделали предупреждение за плохую работу, в ответ на это предупреждение он за целый месяц прошел лишь один метр. Форменное вредительство. И никто—ни хозяйственник, ни профсоюз—не смогли, не сумели довести дело до конца: выгнать

этого рвача в рабочей блузе.—Теперь суди сам, где собака зарыта: в механизмах или в людях, в чьих руках находятся механизмы, кто управляет, руководит этими механизмами.

Яблоновский взял меня за руку и отвел в сторону к стенке входа.

— Сейчас проедут коногоны, поберегись, чтобы не придавили.

В главном ходу было очень тихо. Только частые капли воды, падающие с потолка в лужу, нарушали тишину и создавали впечатление, будто за каменной стеной льет проливной дождь. Но опытное ухо шахтера различило едва-едва уловимый гул, который с каждым мгновением становился все отчетливей и слышней. Через несколько минут мимо нас промчался целый „состав" коногонов, которые гнали по рельсам подземного транспорта порожняк—освобожденные от угля и породы вагонетки.

— Еще раз успеют обернуться, а там уж и смена. Не стоял бы конвейер, повезли бы обратно уголек, а то придется отгружать породу, которую обыкновенно вывозят в начале смены, — проговорил с сожалением Яблоновский,—а в результате опять недодача, опять черная доска. А ты спрашиваешь, как с машиной: хуже или лучше? Да, плохо у нас. Не лучше и на других шахтах. Небось, читал, как то там, то здесь в машинах находишь где костыль, где породу, а где даже и динамит. Вредительство пролезло на шахту, в нашу рабочую среду; кулачье раскулаченное, враг наш тянется к сердцу шахты, к механизмам. Отрубить надо эту преступную лапу.

— Что делать?

— За машины посадить наших людей; обучить их обращаться с машиной; подготовить механизаторов. Дело, знаю, не простое, но нужное, во как нужное. Взять нашу шахту. Почему комсомольцев мало в забое? почему их не видно за машиной—молодежь бо-

вая, с энтузиазмом, башковитая. Вот она-то и должна оседлать врубовку, конвейер, лебедку; она-то и должна дать нам кадры машинистов, монтеров, слесарей.

Мы подошли к стволу. Стволовой нажал кнопку в под'емную:

„Клеть в шахту!"

— Ну-ка, Сидорыч, нажми три раза: едет человеческий груз, чтобы спокойней подымал.

Через пять минут мы были на поверхности.

— Теперь ты Валентиновку повидал,—говорил Яблоновский, крепко сжимая мне руку.—Сдай шахтерку в ламповую, там налево—баня, а я—в нарядную. А сейчас—пока до вечера—у управляющего сегодня совещание о механизмах. Приходи, свидимся.

Вечером в кабинете шахтоуправляющий тов. Ещенко „крепенько" поговорил с завшахтами, с технорукамн.

Сентябрьское обращение ЦК партии ясно, четко и определенно сказало, что должен делать каждый пролетарий, чтобы выполнить, осуществить взятые нами большевистские темпы. Ясны задачи для каждого из нас. А потому основной принцип в работе: или премия, или расчет, ибо незаменимых нет.

Стране нужен уголь, мы его должны дать. Механизмы—основное, решающее звено. За него надо ухватиться, его надо суметь удержать и повернуть так, чтобы 100% было на-гора.

— 100 и ни одного процента меньше!

Распределив затем задание между шахтами, обязав шахтную администрацию в 24 часа представить конкретно оперативный план действий, максимального использования механизмов „с сегодняшнего же дня", переброски и лучшей расстановки имеющихся сил, совещание набросало счет шахт заводам, производящим оборудование.

Счет большой, „крепенький" и разнообразный.

26 сентября 1929 г. Сталинскому заводу были заказаны для шахт Ровенецкого района три аппарата

„Кокс", три отделителя плиты „Дистель Зусский". Прошло свыше года—заказ не выполнен.

2 февраля 1929 г. Сталинскому заводу была заказана электрическая лебедка в 85 сил. Срок изготовления—февраль 1930 г. Прошло 8 месяцев сверх срока—шахта № 3 лебедки не имеет.

7 февраля, 13 февраля 1929 г. Сталинскому заводу были дополнительно даны срочные заказы на изготовление бесконечных лебедок. Срочные заказы долгосрочно застряли в цехах завода. Шахты лишены этих механизмов.

25 января 1929 г. Горловскому заводу были срочно заказаны 2 насосных агрегата. Полтора года завод „срочил" выполнение заказа, а изготовив, прислал некомплектный агрегат. Результат—оборудование бездействует.

И Горловский, и Харьковский („Свет шахтера") заводы забыли и о качестве. Сцепляющие части врубовок быстро срабатываются, пригонка частей (супорты, рештаки) безобразна, нарезка болтов мелка... и все в том же духе.

...Умножим теперь этот счет на число имеющихся шахт в бассейне, и перед нами встанет картина состояния снабжения Донбасса машинным оборудованием.

Конечно сейчас, когда партия поставила задачу создания нового механизированного, подлинного социалистического Донбасса, работа сдвинется (и уже сдвинулась!) с мертвой точки; конечно сейчас заводы, производящие горное оборудование, заработают (и уже заработали) нужными темпами, но надо провести коренной сдвиг, установить, а установив осуществить непрерывную, теснейшую связь потребителей (шахт) с производителями (заводами). Эти встречи дадут возможность одним выпускать лучшие машины, усовершенствовать их; другим — лучше обращаться с машинами, быстрей их изучать, полней использовать.

О кадрах в тот вечер много не говорили. Вспомнили лишь один факт. Год тому назад прислали в Ровенецкое шахтоуправление 6 молодых специалистов. Им поручили работу на механизмах. Инженеры отказались: во втузе не учили работать на механизмах. Потолкались, посудачили и... ушли.

Значит, втузы не готовят нужную смену, нужные кадры. А кадры нужны, дозарезу нужны.

Есть приказ ВСНХ—переподготовить механизаторов, есть директива возвратить к машинам всех, ранее работавших на механизмах; есть указание расширить сеть технических кружков, семинаров и т. д.

Выполнить приказ! Готовить новому, подлинно-социалистическому Донбассу новых, подлинных строителей механизированного Донбасса, ибо нет плохих механизмов, есть плохие механизаторы.

Слово о машинах сказано. Машины должны заговорить...

ДУМАЙТЕ ЖЕ О КАДРАХ...

УТРОМ телеграф принял срочную депешу из Воронежа: „Донбасс Смолянка Шахтоуправление тчк Сегодня выехал эшелон завербованных батраков и колхозников тчк Двадцать четвертого встречайте Сталинском вокзале тчк Приготовьте казармы зпт постели тчк „Уполномоченный“

Товарищ Дядюшкин в третий раз перечитывал телеграмму. Смолянка должна получить из этого эшелона человек 400. Третьего дня прибыла партия киевских комсомольцев. Их еще не успели разместить, „оборудовать“. Пополнение идет—надо шевелиться, надо принимать новых бойцов угольного фронта, а тут, как нарочно, коммунальный отдел медлит, никак не найдет помещения. Ох, этот комхоз! Подводит Сиротенко, мямлит рудничный совет.

— Алло! Барышня, дайте Шаповалова. — Шаповалов! Ну, как, разместил? Нет еще? Безобразие... Ты же срываешь всю работу... Кроватей нехватает, нет постелей. Что ж, прикажешь размещаться в шахте? Ведь ты же рудничный совет, ведь у тебя же фонд весь... Никуда это не годится, а тут вот еще прибывают через 2-3 дня четыреста человек... Куда их деть? Имей в виду—ты отвечаешь головой.

Шаповалов—председатель рудничного совета — от всего отказывался.

— Вы—администрация, к вам идет пополнение, вам нужна рабочая сила, вы и печитесь.

Шахтоуправление вело дискуссию с рудничным советом о правах и обязанностях, о том, кто за что отвечает, кто должен „печься" о жилищах, а пока... пока доходящее в Донбасс пополнение заставало сплошь и рядом шахты врасплох.

Сентябрь стал месяцем великого похода добровольцев и мобилизованных комсомольцев, завербованных батраков и колхозников в шахты Донецкого бассейна. Десятки тысяч революционной молодежи, трудящихся села двинулись по призыву партии, комсомола и правительства на ликвидацию угольного прорыва. Из полей Воронежа, Тамбова, Казани, из городов и местечек Киевщины, Полтавщины и Черниговщины в Донбасс была двинута многотысячная армия бойцов за осуществление топливной пятилетки в три года.

В контору шахтоуправления зашла группа комсомольцев.

— Тов. Дядюшкин, так до каких же пор будет продолжаться эта волынка? Четвертый день ходим к вам за талоном на обед и никак не можем его получить. Где же нам кормиться прикажете? Два дня обивали пороги за календарем: ходили от шахткома к завшахтой, от завшахтой—в шахтоуправление. Теперь вот получили календарь, но им не позавтракаешь. Даешь талоны—и все тут.

Дядюшкин засуетился. Вызвал к себе табельщика. Оказалось—„маленькое недоразумение“: столовая еще не успела развернуться, расшириться, и приходится регулировать ее нагрузку. Позвонил в столовую, нажал, разругался, „раз и навсегда“ договорился: кормить пополнение без всяких „завтраков“—три раза в день, как глаз.

Комсомольцы ушли. Дядюшкин тяжело вздохнул:

— Тяжелая наша шахта. Вторая в мире по глубине: 400 с лишним сажен, да и в газовом отношении—внекатегорийная. А шахта—золотое дно: лучший коксующийся уголь, высшего качества. Сюда надо крепкое пополнение, выдержанных людей. А что получилось на деле? Пока, скажу я вам, с пополнением неважно. К нам прибывают рабочие, совершенно не знакомые с условиями труда на шахтах; больше того — введенные в заблуждение о характере предстоящей работы. Вчера у нас был такой случай. Спустили в шахту группу молодежи, прибывшую к нам из Белоруссии. Им перед спуском накануне техник прочитал лекцию о технике безопасности.

Так вот, едва остановилась клеть, как ребята потребовали под'ема. Почему? „В шахте — темно, нет окон, нет свежего воздуха, а нам в Белоруссии говорили, что здесь все благоустроено, что работать будем на свете и воздухе“.

Этот случай на Смолянке — один из длинной цепи горняцких курьезов, печальных анекдотов. В сентябре их к великому сожалению можно было слышать, наблюдать почти на каждой шахте, куда прибывало новое пополнение, потому что наркомтрудовские вербовщики в погоне за количественным выполнением наряда совершенно не интересовались качеством, суля вербуемым „золотые горы“, потому что многие комсомольские организации, выполняя директиву ЦК комсомола, стремились поскорее дать причитающееся по разверстке, а там—„хоть трава не расти“.

Здесь примером, плохим примером может служить черниговская организация комсомола. Послушайте, что сделали там комитетчики.

Окружком ЛКСМУ получил задание: дать Донбассу 150 человек. Срок исполнения очень короток, надо форсировать выполнение наряда. И вот, совершенно не отдавая себе отчета, каких рабочих требует угольный бассейн, какие работы надо будет выполнять на шахтах, мобилизовали, как говорят, „что плохо лежало". В результате—на шахты Сталинского района приехали... зубные техники, парикмахеры, работники прилавков, квалифицированные металлисты. Черниговцы не остановились перед тем, чтобы прислать даже двух инвалидов. И этих людей черниговский комсомол решил использовать на ликвидацию прорыва.

Само собой разумеется, что комсомольцы, имеющие определенную квалификацию, не выказывали большого желания ехать в Донбасс переквалифицироваться. Окружкомовцы вышли из положения: они заверили мобилизуемую молодежь, что их посылают в Донбасс учиться „на инженеров". Такой обман, подобное очковтирательство, конечно, не прошли безнаказанно. Черниговские окружкомцы комсомола получили по заслугам за „блестяще" проведенную мобилизационную работу.

Но не в этом наконец дело. Основное, решающее, самое безобразное в этой черниговской (и подобной ей) истории заключается в том, что в погоне за сведением баланса: „задано X, выполнено X, процент выполнений 100" на местах преступно небрежно относились к тому, к о г о послать, к о г о требует сегодня Донбасс—этот решающий участок сегодняшних боев за план. Посылали молодых комсомольцев, чуть ли не со стажем с ...1931 г., с которыми надо еще вести большую политико-воспитательную работу.

— Теперь судите, — продолжал Дядюшкин, — как отнеслись места к важнейшей политической кампа-

нии, к усилению горняцкого Донбасса молодым пополнением. Правда, таких немного, их единицы, но эти единицы срывают нам всю работу, ибо, приехав на шахты, узнав их истинные задачи, они сейчас же „поворот от ворот“...

Телефонный звонок прервал беседу. Дядюшкин поднял трубку.

— Сколько? Три человека? Белье сдали, спецовку оставили? Почему ушли... Не знаешь? Напрасно. Ну, что же, сегодня собрание мобилизованных комсомольцев, побеседуем...

— Вот, снова трое ушли сегодня из шахты № 11,— сказал Дядюшкин, кладя трубку на рычаг.

Администрация регистрировала факты ухода, администрация жаловалась на качественный состав мобилизованных, на неумение, а порой и нежелание пришедшей молодежи работать, но в борьбе за закрепление молодого пополнения администрация пребывала в нетях. И вечернее собрание комсомольцев, только что пришедших в горняцкую семью, вскрыло отчасти картину, осветило узловые причины ухода одиночек, недостаточно успешной работы оставшейся массы.

Собрание открыл Коля Пивоваров. Центральный красный уголок рабочих казарм Смолянки полон. Слабый электрический свет (станция не выдерживает нагрузки) единственной полуваттной лампочки, прикрепленной где-то под потолком, не в состоянии осветить весь зал. Керосиновая „двенадцатилинейка“ реально освещает стол президиума и первые ряды собравшейся молодежи: „стариков“—горняцких комсомольцев и „молодых“—только что пришедших в Донбасс.

— Первое слово для информационного сообщения предоставляется тов. Скачкову.

— Товарищи! За несколько дней до вас на нашу шахту Смолянку приехал мобилизованный комсомолец из киевской организации Михайлов. На следующий

день Михайлов позорно дезертировал. Смоляниновский комитет ЛКСМУ сообщил об этом поступке, бросающем тень на всю организацию, киевским комсомольцам. Вчера из Киева наша ячейка получила такое письмо:

„Дорогие товарищи! Общее собрание ячейки ЛКСМУ совместно с молодежью киевского кирпичного завода №№ 7, 9 и 10, узнав о предательском поступке Михайлова, об'являет ему бойкот. Михайлов исключен из комсомола. Перед профсоюзной организацией поставлен вопрос о пребывании Михайлова в профсоюзе. Комсомольцы требуют, чтобы администрация кирпичного завода не допустила Михайлова к работе.

Взамен дезертира Михайлова киевские комсомольцы посылают на Смолянку тов. Миллера".

Товарищи комсомольцы, — продолжал Скачков, — о чем говорит этот факт? В нашу комсомольскую организацию кое-где пролезают „маменькины" сынки, шкурники, которые на словах распинаются за осуществление заданий партии и комсомола, а на поверке на деле позорно отступают перед трудностями, играют на руку классовому врагу. Ведь дезертирство Михайлова и иже с ним — удар по угольному фронту, дискредитация всего нашего ленинского комсомола.

На радость кулачью и их подголоскам — правым оппортунистам — Михайловы удирают из шахт и тем самым ставят под удар всю комсомолию, дают пищу всяким головотяпам и оппортунистам, утверждающим, будто комсомольцы не могут справляться с производственными задачами.

Мы, комсомольцы-горняки, призываем вас, мобилизованных, к решительной борьбе с такими Михайловыми. Вместе с тем давайте по-комсомольски, как полагается большевистской смене, об'явим поход против всего того, что способствует, что порождает уход из шахт.

Скачков кончил. В зале шумно заговорили, комсомольцы бурно реагировали на поступок Михайлова, на создавшиеся и созданные условия работы на Смолянке. Коля Пивоваров тщетно пытался установить порядок в зале стуком карандаша о ручку керосиновой лампы, Потом он встал и громко, что было силы, во все легкие заявил:

— Ребята, где мы — на собрании или на ярмарке? Избрали председателя, так извольте подчиняться ему беспрекословно. Вопрос серьезный, вопрос политический и всеобщим галдежом его не разрешишь. Собрались обсудить—давайте обсуждать; не то закрою заседание. Кто просит слова? Записывайтесь, выходи к столу.

В зале наступила тишина,

— Колька, запиши меня.

— Товарищ председатель, прошу слова.

К столу подошел Матвеенко.

— Михайлов — дезертир. Он недостоин быть членом нашей комсомольской рабочей семьи. Правильно поступили киевские кирпичники, пригвоздив его к позорному столбу. С Михайловым других разговоров быть не может. Но, товарищи, здесь на собрании, в присутствии всего шахтного „треугольника", надо сказать по-рабочему, открыто, что сделали шахтные организации, чтобы закрепить молодое пополнение, как обеспечили они нормальную работу мобилизованным комсомольцам.

Нас встретили с оркестром, на вокзале, здесь на площади говорили нам пламенные речи, проводили до казарм, устроили торжественный обед и... на том дело кончилось. Казармы остались необорудованными, многим ребятам нехватало не только постелей, но даже коек, пришлось располагаться на полу. „Ладно,—решили,—не все сразу, да и не в дом отдыха ведь приехали, утрусится." Прошел день, прошел другой. В казармы никто из шахтного „треуголь-

ника" не явился. Тщетно искали мы комсомольскую организацию — как в Днепр канули. Меж тем не мешало бы и подшамать, да и работать как-будто бы уже время наступило. Начали делать вылазки—кто в шахтком, кто к завшахтой, кто в ячейку... „Товарищи, как же с нашим „оборудованием"? Спецовку бы нам, талоны на шамовку, кое-как устроиться с жилищем пора уже. Ну, а там в шахту не вредно бы было. Время идет".

Нас начали усиленно кормить „завтраками". Дни шли, страна ждала угля, шахтные организации „увязывали и согласовывали",—не ждал только классовый враг. Он развел свой агитпроп во-всю. В казарму начали захаживать „шахтеры", к казармам подходили торговки семечками и леденцами. И те и другие, укоризненно качая головой, говорили: „Бедненькие, таких молодых, елочку—можно сказать—и на такую тяжелую работу. Не выдержите, сынки, пра слово,—не выдержите".

Вот что, товарищи, порождало Михайловых. Все, вместе взятое. Несколько дней сряду мы не видели, не слышали ни одного старого шахтера, который рассказал бы нам о работе в шахте. Разве нет таких шахтеров на Смолянке? Разве нет здесь ударников и героев труда? Есть же, теперь и мы их знаем, но в те первые дни их никто из нас не видел. Не видел, не знал и не слышал. Я кончил.

— Слово имеет Яновский.

— Ребята, чистить, так чистить. Тут Матвеенко говорил о том, как нас встречали, как подготовляли нас к работе—все это так, но не в этом основной гвоздь. Правда, во многих случаях встреча и первые дни решили судьбу колеблющихся, создали кадры этих колеблющихся. Но я хотел бы рассказать об условиях, в которых мы оказались на работе в самой шахте.

— Крой, Давид.

Яновский вынул из бокового кармана кожаной куртки записную книжку, перелистал несколько страничек, облокотился на стол так, чтобы свет от керосиновой лампы падал на заполненные цифрами и заметками листочки, и начал:

— Здесь вот записи работы нашей бригады.

— Хронометраж имени Яновского,—бросил кто-то шутя со скамей.

— Да, брат, хронометраж. Хоть и кустарный, а все ж таки маленькая фотография наших первых дней подземных. Так вот, товарищи. Прежде всего надо сказать, что там, на Киевщине, когда производили отбор ребят, к делу отнеслись несерьезно, чтобы не сказать больше. Медицинский осмотр был поверхностным, и в результате на шахты послали отдельных физически слабых товарищей. Там сделали ошибку, здесь ее углубили: не считаясь с состоянием здоровья, всех сразу с разбегу послали на тяжелые работы. А как послали? Не рассказали толком об условиях работы. Помните лекцию о технической безопасности? Пришли мы вот сюда, прочел нам техник доклад о том, что такое газы, что значит обвалы, как вести себя в шахте— и точка. На работе же нас с первых часов предоставили самим себе. Одели в спецовку, дали лопату и щахтерку в руки и работай. Скажите—многие ли из вас прикреплены к старым шахтам, многим ли из вас на работе помогают десятники и техники? Боюсь, что не ошибусь, если из полутора сотен, которые вот здесь сидят, положительный ответ смогут дать десяток-другой.

— Ошибаешься, Яновский, и десятка не наберешь.

— То-то и оно. Теперь без опыта, без руководства, без помощи и внимания—какую норму мы могли выдавать? Хозяйственники этим козыряют. А знают ли они о том, что нас ежедневно перебрасывают с одного участка на другой? Да что ежедневно—в одну упряжку нас заставляют работать на трех-четырех участках.

Только привыкнешь к одной работе, только приловчишься—хлоп! Десятник тебя гонит на другую, а там начинай сначала.

Еще, разве знает треугольник, что отсталые рабочие, кое-кто из так называемых „стариков“ издевательски издеваются над нашей молодостью, неопытностью, заставляют за 2-3 версты бегать за несуществующим инструментом, приказывают выполнять работу механизмов—домкратов, насосов и т. д?

Знают? А что они сделали, чтобы покончить с такими отрыжками „доброго старого времени“, когда новичка заставляют „принести террикон“, „сбегать за лебедкой“, поднять бремсберг“, когда его спускают в шахту „с ветерком“ — предельной скоростью, доводят до слез, до отчаяния? Я спрашиваю, что сделали? Пока ничего не видно.

Шахта стонет от „технических неполадок“. Мы, так сказать, птенцы в горном деле, да и то видим, что безобразие с порожняком, расстановкой рабочей силы, с прогулами механизмов; что отсутствуют основные условия для успешной работы: проследить, как выполнено распоряжение, что и где с е г о д н я надо делать; что вся эта неорганизованность загоняет в гроб программу, но администрации это не касается,—она наши замечания пропускает мимо ушей.

— Яйца курицу не учат.

— Да, мы совершенно неопытны в горном деле, но многие из нас—из производства, все мы знаем, что значит труд, что значит машина. На шахте есть механизмы, но кто хотя бы попытался ознакомить нас с этими механизмами?

Таковы-то, товарищи, условия, обстановка нашей работы. Есть среди нас отдельные „паршивые овцы“, бросающие тень на всех комсомольцев, но все мы, как один, можем и хотим работать. Так используйте же нас, создавайте условия для нашей работы. Я говорю это шахтной администрации.

... Яблоновский кончил и быстро пошел в глубь зала. Комсомольцы провожали его одобрительными возгласами. Кое-кто даже усиленно хлопал.

Один за другим выступали молодые бойцы угольного фронта, яростно клеймили дезертиров, шатающихся; резко гвоздили администрацию, весь треугольник. Говорили обо всем.

Столовка, где часами приходится простаивать в очереди из-за нехватки ложек и посуды.

Контора, где целые дни уходят на получение календаря, справки, что ты есть шахтер Смолянки.

Шахтком, где до спуска в шахту никого не найдешь: рано, а после окончания работы никого не сыщешь: поздно.

Администрация, к которой не подступишься ни с каким вопросом, ни с каким предложением, ни с какой просьбой, ибо „с вас, комсомольцев, толку не будет"...

Последнее—решающее. Насквозь оппортунистический взгляд многих хозяйственников на комсомольцев, на молодую смену („она-де многого не даст"), неверие в ее производственные возможности, явное недопонимание того, что новый механизированный, подлинно социалистический Донбасс требует новых кадров и этими кадрами должна быть молодежь — вот что является основной причиной безобразного отношения к мобилизованным комсомольцам, вот что в основном порождало Михайловых.

В шахты приходили комсомольцы, батраки и колхозники, приходили с твердым намерением работать, но, встретив прием „с холодком", уходили. Администрация же не изучала причин, палец о палец не ударяла, чтобы немедленно, срочно выжечь эти причины, приостановить этот вреднейший людской конвейер. Головотяпы находили одну лазейку, твердили на всех перекрестках о „суб'ективных" причинах—нежелании работать добровольно пришедших на шахты.

И нужен был нажим многочисленных бригад ЦК партии, нужен был приезд авторитетнейших комиссий тт. Молотова и Лобова, чтобы, повернув весь Донбасс лицом к механизации, выправить мозги многим и многим хозяйственникам, парт и профработникам в вопросах о кадрах для этих механизмов, в вопросах о роли и значении десятков тысяч комсомольцев, брошенных в угольный Донбасс.

Вечер закончился выступлениями треугольника, который обещал принять все меры, устранить все неполадки, „обратить внимание на изжитие всех указанных здесь недостатков", который призывал комсомольцев „подмогнуть" ликвидировать прорыв.

— Мы готовы, за тем и приехали, для того нас и прислали сюда, но дайте возможность работать, создайте для этого необходимые условия.

... В холодное сентябрьское утро, за 6 дней до окончания второго года пятилетки, к казармам Смолянки подошли около четырехсот навербованных в ЦЧО батраков и колхозников. Только вчера в красном уголке брали в шоры „местную власть" за безобразную, возмутительную встречу, прием пополнения, а сегодня... снова некому было встречать завербованных, о приезде которых знали несколько дней тому назад.

Песни шедших с вокзала четырехсот бойцов за уголь разбудили весь поселок, кроме... кроме партячейки и шахткома. И снова как в прошлые дни часами стояли на дворе в ожидании коменданта, который „должен все устроить"; снова до вечера ждали уполномоченного, который выдаст талоны „на завтрак"; снова несколько дней спали на досках железных кроватей, пока „приготовят постель, набьют подушки, матрацы"; снова днями ждали посылки на работу в шахту.

Так было с комсомольцами, так произошло и с батраками и колхозниками, так сталось и со студен-

тами, которые, прервав занятия в своих горных вузах, пошли в Донбасс на ликвидацию прорыва.

О студентах. Пусть наши горные втузы еще не перестроили своей программы в соответствии с требованиями нового Донбасса, пусть наши молодые специалисты по приходе в шахты не все и не всегда оказываются на высоте положения по части механизации, но сотни студентов, но десятки преподавателей—эта техническая армия—разве ее участие в боях за план не может, не должно сыграть огромнейшего значения? И все же многие администраторы умудрились и здесь проявить квалифицированное головотяпство. Не будем повторять уже известных бытовых „неполадок"—обратимся к производственным, к умению использовать эти молодые технические кадры.

Приведем один факт. Он характерен, он типичен для тех дней в Донбассе. В шахту Щегловки пришли 100 студентов-механизаторов Донецкого горного института. И вот вместо того, чтобы использовать их на механизмах, вместо того, чтобы создать из них бригады по обучению молодых комсомольцев, администрация ничего лучшего не придумала, как послать всех этих студентов на... уборку породы.

А техников нехватает, а механизаторов нет, а технический надзор безобразно слаб. Ведь не случайно же на одной из шахт Шахтинского района техник прочел молодым рабочим такую лекцию по технике безопасности, наговорил столько ужасов, что молодежь назавтра отказалась спускаться в шахту.

На дверях красного уголка висел плакат:

„Сегодня ровно в 7 час. вечера для вновь прибывших на Смолянку завербованных колхозников и батраков лекция по технике безопасности. Явка без опозданий".

Собрались аккуратно. Ждали докладчика. Колхозники и батраки собрались группами и делились своими первыми впечатлениями. Еще несколько дней

тому назад они работали на полях, в ушах еще стоял шум работающих тракторов и паровых молотилок, еще живо в памяти вставали хлопоты первого большевистского сева, заботы об урожае, об уборке, о соцсоревновании с соседними колхозами, и потому невольно прерывали свои мысли о сегодняшнем дне, о завтрашних задачах вчерашними делами.

— Да, урожай—что надо. Давно невидывали такого. А как порешили у вас с дележом? Когда сдали хлеб государству? Сколько работало в вашей коммуне? Кто победил в соревновании?

„Земляки" гордо указывали, что коммуна „Рассвет труда" „побила" карломарксовцев в сроках, зато коммуна им. Карла Маркса добилась больших результатов в качестве зерна.

Мы перевели разговор на уголь.

— Вербовщики у нас были прямо-таки „шантрапа". Когда вербовали—обещали „масленицу". Правда, были среди нас старые рабочие, которые раньше долбили уголь в Донбассе, и они нам рассказывали о жизни в шахтах. Но работали они давно, с тех пор утекло много воды, а как сегодня в шахтах — никто не мог знать. Вербовщики же соловьями заливались. Ладно, решили: „К работе привычные. Поедем—посмотрим—поработаем". В дороге (нас ехало сюда из центральной России целый поезд) мы попали в другой переплет. Почти на каждом вокзале к вагонам, да и в самые вагоны, заходили к нам „землячки" и пугали нас голодом, каторжным трудом, верной гибелью в подземелье. Здорово старались наши „благодетели", но мы сразу раскусили этих подкулачников и гнали их в три шеи. Жалко однако, что не было с нами в вагонах теперешних работников донецкого угля: они и помогли бы нам отвечать этим агитаторам и рассказали бы о действительной жизни в шахтах.

— А кто же все-таки оказался прав: вербовщики или дорожные „землячки"?

— Спору нет. За эти два дня, что мы в шахте, крепко убедились, что вербовщики перехватили через край, а дорожные „советчики“ безусловные контрреволюционеры. В шахте работать можно, в шахте надо работать, и мы будем уголь давать, как дали этим летом хлеб... Главное, чтобы старики помогли, быстро в свою семью приняли, да и администрация пущай не хлопает. Не то—летунов не оберешься. Хоть и колхозники мы, но разве за всех распишешься,—закончил беседу коммунар Сляров.

— Прошу соблюдать тишину. Лекция начинается,— об'явил шахткомщик.

Зал затих.

Уже когда лектор, узнав путем поднятия рук, что из присутствующих редкие единицы работали раньше в шахте, начал свою лекцию с азов, Сляров наклонился ко мне и решительно вполголоса добавил:

— Надо самоконтрактацию провести, соцсоревнование среди вновь прибывших развернуть. Обязательно надо... Не подкачаем... Я—старый шахтер и коммунаров наших знаю.

На следующее утро он принес в работавшую на шахте выездную редакцию письмо:

„Я, член коммуны „Рассвет труда“, села Михайловки, Павловского района, Центрально-Черноземной области, раньше работал в шахте, а сейчас по призыву партии и советской власти добровольно прибыл на работу в шахту Смолянки.

Когда я ехал сюда в красном эшелоне, нас пытались сагитировать темные силы Советской страны, рассказывая, будто в Донбассе не кормят рабочих. Приехав на Смолянку, я убедился, что это сплошная ложь,—враги социалистического строительства хотели сбить нас с пути. Но это им не удалось и не удастся.

Я об'являю себя законтрактованным для работы в шахте до конца пятилетки и

обязуюсь работать на Смолянке без прогулов, как полагается каждому сознательному пролетарию.

Я призываю членов с.-х. коммуны им. Карла Маркса, с которой мы соревновались в Павловском районе, прибывших на работу в шахту, последовать моему примеру и дать ответ через газету „За индустриализацию в Донбассе".

Сляров Федор, член коммуны „Рассвет труда".

Механизмы решают судьбу угольной пятилетки. Механизмы—значит во всей своей хозяйственно-политической остроте встает вопрос о кадрах для Донбасса, постоянных квалифицированных кадрах, кадрах для этих механизмов.

Так думайте же о кадрах!

ТАК ДЕРЖАТЬ ТЕМП!

ШАХТА № 3, что раскинулась в глубокой балке Ровенецкого антрацитового крыла на Луганщине, сегодня именинница. С ней говорят, ее опыт изучают в Сталине, Артемовске, Луганске, Харькове.

Шахта № 3—фокус, где сосредоточено внимание хозяйственников, партийных, комсомольских, профсоюзных организаций, центральной и местной печати.

Шахта № 3 — магнит, который притягивает взоры и внимание шахтеров Донбасса, общественности не только Украины, но и всего Советского союза.

На шахту № 3 тянутся вереницы делегаций горняков с рудников района, округа, Донбасса, всего угольного Союза... В Ровенецкий район, где находится шахта № 3, едут специалисты из „Угля", Подмосковного бассейна, приезжают шахтоуправляющие, партработники, профсоюзники... В шахтный комитет приходят большие, пространные письма из Москвы, из Урала, из Сибири с просьбой „выслать срочно подробные материалы, сведения, сводки..." За август на шахте перебы-

вало несколько десятков представителей от тридцати с лишним различных горняцких организаций.

В августовско-сентябрьские дни шахта № 3 владела умами всех горняков Ровенецкого района. Да только ли района? Ведь не зря дежурный по станции „Ровеньки"—маленькой станции Донецких дорог, затерявшейся среди густо посаженных труб антрацитовых шахт—говорит:

— Никогда Ровеньки не видели столько портфелей, столько роговых очков, как теперь. Верите, нет того поезда, чтобы не приехала какая-нибудь делегация. Прямо замучили меня расспросами, где эта шахта № 3, как в нее попасть, как она работает. А я же, признаться, вот уже сколько лет работаю в Ровеньках, но ни разу еще не побывал на шахте.

Что же произошло на шахте № 3?

Произошло то, что должно произойти на каждой шахте, на каждом руднике, во всем Донбассе. Взгляните на эти цифры—они вам расскажут о многом.

В июле и августе, когда Донецкий бассейн серьезно заболел, когда сотни тысяч тонн угля остались в его недрах, когда изо дня в день почти все шахты Донбасса подсчитывали тонны потерь и кривая добычи неумолимо шла вниз—шахта № 3 ни на один день не сдавала темпа, ни в одну пятидневку не „замазала" себя прорывом.

А когда подсчитали августовские результаты, то статистика бесстрастно вывела:

„Шахты бывшего Донбассантрацита выполнили за август 73% месячного задания, шахта № 3—103%".

Шахта № 3 тянула вверх все шахтоуправление, которое слало в июле телеграмму в центр:

„Месячное задание выполнили 100 две десятых тчк Впереди шахты три зпт семь зпт семнадцать тчк Особенно отмечаем успешную работу третьей тчк"

100,2%! И это уже тогда, когда весь Донбассантрацит едва дотянул до 78,8%.

В Кадиевке в тресте говорили:

— Ровеньки держут темпы, там сумели ухватиться за основное звено, там успешно тянут всю цепь.

Об этом звене, об этой цепи просим слова.

Две Любимовки, две соседки, две шахты на разных, но близких-близких пластах. Старый хозяин построил сначала одну „мышеловку", потом, когда дела пошли хорошо, шахтовладелец начал рыть другую, по соседству. Было это задолго до революции, десятки лет тому назад. Была у хозяина дочь, Любой звали. Счастливая дочь: шахты давали большую прибыль. И назвал он эти шахты—Любимовка.

Пришел Октябрь. Прогнали шахтовладельца. Любимовка была разделена на две шахты: одну назвали № 3, другую № 7. Но название Любимовка крепко засело у местных шахтеров, никак не отвыкнут. Вот и называют этих близнецов, соседок:

Любимовка № 3.

Любимовка № 7.

В 1927 г. у старого забойщика Любимовки № 7 Алеши Тарабарова родилась идея о создании на шахте производственной коммуны. Тарабаров поделился с товарищами, горняки покалякали, поговорили в шахткоме, но так как никто не мог сказать, как начинать это дело—с коммуной стопорилось. Меж тем в том же году на шахте произошел обвал, который засыпал Тарабарова, а вместе с ним похоронил план об организации коммуны.

Алешу проводили на кладбище, говорили о его преданности делу рабочего класса, вспоминали его неустанную борьбу с врагами пролетарской революции и... возвратились в шахту.

Казалось, о коммуне забыли. Казалось... Но через два года идея Тарабарова была воплощена в плоть и кровь, в реальную силу.

В 1929 г., в год больших отступлений шахты, когда кривая добычи с каждой упряжкой стремительно ле-

тела вниз „с ветерком", друг и товарищ Тарабарова, случайно спасшийся от обвала 1927 г., Студеникин вспомнил об идее погибшего старого шахтера Тарабарова.

Студеникин—испытанный забойщик, многие десятки лет проведший под землею, знающий шахту лучше, чем свою хату, решил:

— Все дело в организации. Сорганизуемся правильно—изгоним „неполадки", которые петлей висят на нашей шее, дадим программу. А как сорганизоваться? Давайте, ребята, создадим производственную коммуну,—предложил он товарищам по забою.

— Отчего же? Не помешает, можно испробовать.

Так по почину и под руководством Студеникина без профсоюзников, партячейки и хозяйственников (прохлопали!) была организована первая в Донбассе производственная коммуна им. Тарабарова.

В коммуну вошло 14 кадровиков. Они взялись разрабатывать раскоску на 15% дешевле, чем остальные горняки шахты, чем работали раньше сами.

— Работать будем дешевле,—заявили они,—только подмогните, не создавайте „неполадков".

Первые же месяцы работы тарабаровцев дали блестящие результаты: производительность коммуны росла с каждой упряжкой, увеличивалась добыча, снижалась себестоимость, улучшалось материальное состояние коммунаров—„заработок побольшал".

О коммуне Тарабарова заговорили в шахте, в нарядных, в общежитиях, на гулянках, в семьях.

О коммуне имени Тарабарова не знали в шахтном комитете, мало было о ней известно в партячейке, мимо проходили и хозяйственники.

И тарабаровцы работали в окружении полнейшего безразличия на Любимовке № 7.

Но коммуна нашла живой отклик у соседей, среди шахтеров Любимовки № 3. Здесь раньше всех подхватили опыт тарабаровцев, умножили его, учли свои

условия, сделали поправку на „специфические“ обстоятельства горняки Иващенко и Юрасов.

На третьем номере флаг подняли две коммуны. Беспартийный Иващенко возглавил коммуну из 18 человек, которая стала работать на раскоске № 19—21. Коммунист Юрасов повел своих 12 горняков на разработку 23-й раскоски.

Это произошло в июне 1930 г.

Июнь дал осечку. Коммунары дрогнули, но не отступили. В этот месяц коммуна Иващенко вместо 810 тонн дала на-гора только 600 с небольшим, а коммуна Юрченко—311 тонн, вместо заданных 337.

Причин долго искать не пришлось. Простои погубили дело. Из-за недостатка материалов, отвратительной работы вагонщиков, коногонов, из-за отсутствия организованности в сопряженных звеньях коммуны простояли восемь дней за один месяц. Треть программы простояли.

Правда, в июле коммуна Иващенко выравнялась и дала сверх программы 12 тонн, но перед коммунарами встал вопрос: а дальше как? Сегодня выскочили—хорошо. Однако знаем ли мы, уверены ли в том, что завтра не сорвется дело? Ведь работаем так, что случайности не предотвращены и следовательно неизбежны.

— Ладно,—говорили коммунары на своем производственном совещании,—мы задание свое выполним и перевыполним. Ну, а потом как? Какой толк будет в наших успехах, если добытый нами уголь, попав к рабочим, не вовлеченным в нашу бригаду, коммуну, задержится там, „забурится“. Ведь насмарку пойдет вся наша работа, и государство попрежнему будет недополучать топливо, попрежнему шахта будет „пасти зады“. Нет, здесь надо сделать иначе.

Тогда-то и возникла мысль об организации на шахте № 3 сквозной производственной коммуны. Пусть от забоя до отгрузки — все процессы работы по добыче угля будут скованы между собою единой цепью

сознательного, коммунистического труда, подчинены единой руководящей руке и крепко связаны единой целью: работать четко, работать добротно, работать так, как этого требуют сегодня интересы всего рабочего класса, интересы всей страны.

Время организации этой коммуны совпало с днями работы XVI партийного с'езда. И коммуна на Любимовке № 3, сквозная производственная коммуна названа была им. Шестнадцатого.

Новая коммуна (ее возглавил Иващенко) об'единила 136 горняков всех квалификаций (от зарубщиков и отбойщиков до плитовых и лесогонов), в нее влилась и коммуна Юрасова.

На всем участке нижнего горизонта шахты № 3 труд был коммунизирован.

Прошел август. Еще не слажена как следует работа в сквозной производственной. Еще есть много шероховатостей, потому что работали на первых порах, можно сказать, без внимания со стороны шахтных организаций.

И все же 110,4% по добыче, 136,4% по производительности труда, себестоимость одной тонны угля на 13 коп. ниже задания—вот что бросила коммуна на свою чашу весов борьбы за план, вот доказательства преимущества коммунистического труда.

Это, так сказать, внешние показатели, те, о которых говорили цифры в официальных отчетах, которые ярко выделялись на большом щите, что висел у входа шахтной конторы.

А внутренние? Они не менее блестящи.

100-процентная выхождаемость, твердая трудовая дисциплина, здоровая круговая порука в работе, хорошие взаимоотношения между коммунарами и административно-техническим персоналом—с таким „внутренним" (решившим судьбу „внешнего") активом пришли коммунары к одиннадцатому месяцу второго года пятилетки.

Блестящие результаты! Они во весь голос твердо и убедительно сказали всей шахтерской массе, всем сомневающимся и колеблющимся шахткомовцам и шахтпарткомовцам о том, насколько велики неиспользованные возможности, насколько неисчерпаема воля и энергия горняков в осуществлении лозунга партии и всего рабочего класса: „Догнать и перегнать капиталистические страны".

Кто они, эти первые глашатаи коммунистического труда в шахтах Донбасса, творцы великих большевистских темпов? Преимущественно молодежь, пришедшая в шахты в последние годы. Это она заражала своим энтузиазмом, подымала массы шахты № 3 на уголь. Не мало среди коммунаров и стариков, проведших под землею несколько десятков лет, прошедший длинный, нелегкий путь шахтерского труда.

Коммунары в большинстве беспартийные. Даже в правлении коммуны, состоящем из 7 человек, только один коммунист и один комсомолец. Партийная и комсомольская организации явно недооценили роли и значения коммуны—отсюда низкий, очень низкий процент партийцев и комсомольцев в коммуне.

Задачи коммуны ясны, цели хорошо известны каждому коммунару. И это твердое сознание нового, лучшего в корне изменило не только форму, но и содержание работы, твердо гарантирует успех великого начинания в угольном Донбассе.

В своем уставе коммунары так говорят о своих задачах:

„Организация производственной сквозной коммуны преследует цели начала коммунистического труда в угольной промышленности на добровольных началах".

На своих знаменах коммунары написали:

„Активно помогать личным трудом и примером в устранении технических неполадок".

„Не допускать перебоев в работе всей шахты".

„Установить в коммуне крепкую трудовую дисциплину путем товарищеских убеждений".

„Деятельно участвовать в работе профсоюза и активно помогать во всех начинаниях профорганизаций",

„Делать полную календарную выхождаемость, своевременно являться на работу, бережно относиться к инструментам".

„Личным примером показать всей шахте, всей горняцкой массе все преимущества коммунистического труда".

Эти боевые лозунги коммунары неуклонно проводят в жизнь.

Вот маленький штришок. Таких фактов много, но разве шахтеры-коммунары их упомнят? Ведь так надо, чего же о них размусоливать! А все же послушайте.

С горняком, работающим „на-плита", произошел на работе несчастный случай: антрацит разрезал ему кисть руки. Кровь струей лилась по руке, но коммунар не бросил своего участка, не поднялся на-гора до конца упряжки. Он хорошо знал: его уход во время работы—угроза бригаде не выполнить задание. Началось бы „буриться" сначала на плитах, а потом эта неполадка передалась бы по всей цепи. И горняк не ушел.

Отработав упряжку, пострадавший коммунар, прежде чем итти в амбулаторию, подошел к председателю коммуны:

— Иващенко, гляди—угораздило, хай йому біс—насилу упряжку отстоял. Как у тебя с народом? Если прогуляю по бюллетеню, есть кому заменить?

Иващенко прикинул: часть в отпуску, часть—больна, а кое-кто поехал по рудникам вместе с делегацией поделиться опытом своей работе.

— Понимаешь, браток, туговато. Каждый коммунар на тройном учете. Смотри, как знаешь.

— Ладно уж. Пойду, сделаю только перевязку.

В амбулатории врач предложил коммунару отпуск на три дня. Коммунар отказался.

— Брось, товарищ доктор, не время болеть. Да и у товарищей на горбу сидеть не хочу.

Летом шахты Донбасса стонали от лодырей и рвачей, летунов и симулянтов. Весь этот чуждый элемент (а надо сказать, что на многих шахтах его насчитывалось не мало), пользуясь нехваткой рабочей силы, острым недостатком в кадрах, прибегал к всяческим позорным для рабочего поступкам—лишь бы поменьше работать, побольше получать.

Правление коммуны учло: допустить таких „молодчиков" в коммуну—значит ставить под удар самое существование коммуны.

— Ведь факт, сорвут.

И прием в коммуну происходил после строгого, тщательного „прощупывания", после всестороннего ознакомления: кто ты есть и почему тянешься к коммуне. Сюда допускались только члены профсоюзов, только горняки, зарекомендовавшие себя на работе. Беспощадно, всенародно гнала коммуна из своих рядов каждого, кто пролазил сюда только для того, чтобы, прикрываясь круговой порукой, общим трудом, сорвать побольше для себя.

Коммуна есть коммуна.

В августе произошел такой случай. Группа раскулаченных в начале весны этого года пришла на шахту. Рабочие, ясно, нужны, „беднячки" обещали работать „по уставу", и группа начала шахтерить. Когда приступили к организации коммуны, они одними из первых подали заявление. Короткое время эти новые „коммунары" работали хорошо, постепенно начали „врастать" в жизнь коммунары.

Ни дать ни взять коммунары.

Однако их подлинное лицо, лицо непримиримого классового врага, прикинувшегося пролетарием, чтобы изнутри попытаться затормозить наше социалистическое наступление, это звериное лицо было скоро вскрыто. Когда в шахте началась кампания по под-

писке на заем „Пятилетка в четыре года", когда вся коммуна как один подписалась на этот заем, кулачье, переодевшееся в рабочую блузу, отказалось, но не только отказалось, а даже выступило с открытой агитацией против займа.

Конечно они были выброшены из коммуны. Их не потерпели и шахтеры. „Но этот факт — рассказывает Иващенко,— заставил нас призадуматься: значит, надо еще зорче следить за нашим составом". Организовали производственный трибунал.

В августе большая работа была трибуналу коммунаров. 14 человек было исключено из состава коммуны. Это исключение утвердили на своем собрании коммунары, изгнав за несвоевременный выход на работу, за халатное отношение к своим обязанностям, за нерадивость.

— Наш производственный трибунал,— говорят коммунары,— наша пролетарская совесть. С песочком перетирает он каждого провинившегося, и горе тому, кто обманет наше доверие—нет ему места в коммуне им. Шестнадцатого.

— Товарищ Иващенко, иди к телефону, из шахтоуправления зовут.

— Наверно делегация приехала, ждите, ребята, новых гостей.

Иващенко не ошибся. Из Сталинского округа приехали горняки Лидиевских шахт разузнать о работе коммуны и просили Иващенко ознакомить их со всеми организационными делами.

— Добро пожаловать! Понимаешь,— продолжаем мы беседу,— все ясно, все бесспорно, всем можно поделиться, но вот загвоздка у нас с оплатой коммунаров. Правда, до сих пор недоразумений нет, кое-как договорились, но чувствую, что не совсем, не окончательно.

Действительно, этот серьезнейший вопрос по существу еще не нашел своего исчерпывающего ответа.

В самом деле—как платить? Поровну, а разные квалификации? Пропорционально конторской ставке? Тогда какая же это коммуна? Не раз собирались, обсуждали, толковали коммунары. Первое время и дня не проходило, чтобы снова и снова не возвращались к этому вопросу.

— Даже стыдно было, — говорит смущаясь Иващенко. —Как собираемся, все о том же—а как делить заработок? Получалось — занимаемся мы шкурными вопросами. Но без этого никак нельзя было. Ведь ясно же, раз не договорился, значит будут недовольные, а будут недовольные, значит пиши пропало всей коммуне. Мозгуй, ребята, думай, предлагай, решай.

И коммунары решили: заработок делить поровну, независимо от квалификации. А потом внесли поправку, серьезную поправку: во время работы, при выполнении наряда нет и не должно быть никаких квалификаций.

Что это значит? Это значит: сегодня надо бросить силы на отгрузку, потому что там застопорилось — все коммунары, как один, какой бы квалификации ни были, на отгрузку. Завтра надо на отбой или крепление — все на отбой, все на крепление.

Это — раз. Второе: каждый коммунар должен уметь выполнять все виды работ на шахте: учись, повышай квалификацию; старый помоги молодому, ибо коммуна есть коммуна; все за одного, один за всех.

Так-то оно так. Но вряд ли можно считать, что вопрос с оплатой исчерпан. Правда, никаких нареканий нет, все коммунары довольны, но есть опасность, что уравнительность оплаты могут использовать наименее сознательные рабочие, что падет стимул к повышению квалификации. Поэтому неустанно проверять, насколько оправдывает себя принятый распорядок оплаты — это раз, и в этом — задача не только коммунаров и правления коммуны, но и профессиональных организаций. С другой стороны — это уже дело

коммуны — зорко следить, чтобы не злоупотребляли поровным дележом заработка.

— Жаловаться на заработок не приходится,—с удовлетворением рассказывают коммунары.—Средний заработок у нас хорош. Вот вырабатываем по 3 р. 75 к. в день, остальные же шахтеры выше 3 р. 9 к. пока не тянут. Опять же таки специальный фонд для многосемейных организован. Это на случай, ежели кому скрутно придется — надо подмогнуть коммунару и в быту.

В дни глубокого прорыва на угольном фронте не найти ни одной шахты, где бы во все стороны не уминали слово „технические неполадки". В них находили об'яснение всех зол, они являлись жупелом для прикрытия всех причин прорыва. Этот термин получил широкие права гражданства в угольном Донбассе. Техническими неполадками прикрывается лодырь, который пользуется малейшим перебоем в шахте, чтобы прогулять упряжку; за них хоронится кое-кто из технического персонала, ссылаясь на нехватку тех или иных материалов; они служат щитом и для нерадивого хозяйственника, который не сумел как следует организовать работу, правильно расставить рабочую силу.

Коммуна им. Шестнадцатого поставила крест, забила кол в эти всепрощающие технические неполадки. И это является огромным, если не решающим достижением коммунаров, которое надо записать в первую строку актива коммуны.

— Мы не знаем, что такое „технические неполадки",— гордо заявляют коммунары.—В этом значительная, главная заслуга нашего технического руководителя, участкового техника Максима Максимыча Чурило. Это он сумел с первых же дней, с первых же шагов работы коммуны так организовать дело, чтобы не допустить, предупредить распространение у нас этой „вседонецкой заразы".

Нет в коммуне „технических неполадок"; нет причин, лежащих вне горняков, значит надо четко работать, значит надо заранее предусмотреть все необходимое и в забое и на поверхности, значит надо работать стройно, дружно. Тогда обеспечено выполнение и перевыполнение плана.

И коммунары работают... Они выковывают крепкие, постоянные квалифицированные кадры для угольного Донбасса, они создают новые, совершенные формы коммунистического труда.

Вот почему шахта № 3 привлекает всеобщее внимание советской общественности.

. . . . . .

Уже вторую декаду работают на Смолянке киевские комсомольцы. Позади остались трудности первых дней знакомства с шахтой, мало-по-малу забывается тот „холодок", с которым пришлось столкнуться по приезде и который толкнул наиболее слабых к „повороту от ворот". В красном уголке казармы № 1 собрались подсменные ребята. Из рук в руки переходит присланное вчера письмо коммунаров шахты № 3, где горняки делятся своим опытом, просят написать, сообщить, как на практике данной шахты оправдались методы работы имени Шестнадцатого.

Иващенко и Чурило от имени 136 коммунаров призывали донецкую армию горняков выступить на штурм неполадок.

В красный уголок вошел Коля Пивоваров. О письме он знал еще вчера, когда после работы в шахте заглянул в комсомольскую ячейку.

— Что, ребята, здорово работают коммунары? — спросил он собравшихся.

— Так то ж старые шахтеры,— бросил было Миша Матвиенко, но вдруг, прервав свою мысль, задал встречный вопрос: — А что, Микола, не попробывать бы и нам?

Пивоваров взял письмо коммунаров, пробежал его, положил на стол, снова взял письмо в руки и быстро заговорил:

— Товарищи! Предложение. Я голосую за организацию ударной комсомольской бригады, на первых порах небольшой. Но условие: работать по-комсомольски. Себя проверим, другим докажем, могут ли, способны ли работать комсомольцы. Идет?

Возражений не было. И в середине сентября на восточном уклоне шахты Смолянка начала работать комсомольская ударная бригада Пивоварова.

Как работали? Читайте.

27 сентября в выходящей на шахте газете „За индустриализацию в Донбассе" бригада Пивоварова рапортовала:

„Прорыв на угольном фронте создает угрозу выполнению пятилетки в четыре года. В прорыве большое место занимает Смолянка, которая за год недодала стране 100 тысяч тонн угля. Это ставит задачу перед каждым рабочим сделать все возможное для ликвидации прорыва в первую очередь у себя в шахте, на участке.

Мы, комсомольцы, добровольцы и мобилизованные в Донбасс, организовавшись в коммуну, за время нашей работы не сделали ни одного прогула. Задание выполняем полностью, а в последние дни — с превышением. 26 сентября каждый член бригады дал $2^{1}/_{4}$ вагонеток угля. Об'являем себя первой ударной бригадой им. Третьего года пятилетки.

Обязуемся бороться со всеми неполадками в шахте, мешающими ликвидировать прорыв, и вызываем на соцсоревнование бригаду Кудряшева (4-й бремсберг, 8-я восточная продольная).

Итти в ногу с кадровыми рабочими, со всем коллективом, успешно справиться с задачей, снять

Смолянку с позорной черной доски нам мешает техническая неграмотность и незнание шахты.

Мы обращаемся к техническому персоналу с просьбой выделить из своей среды товарищей для помощи нам овладеть техническими знаниями горного дела.

Ударная комсомольская бригада им. Третьего года пятилетки:

Пивоваров Н., Спивак Г., Матвиенко М., Соркин З., Яновский Д".

Об ударной, слаженной работе бригады Пивоварова скоро узнала вся шахта. В бригаду потянулись не только вновь прибывшие комсомольцы, не только коренные „шахтные" комсомольцы, но и старики.

В нарядную перед спуском в шахту к Пивоварову подошел старый крепильщик Устинов.

— Николай, запиши меня в вашу бригаду.

— Тебя? В нашу? Не шути, отец. Нам учиться у таких, как ты, надо, а ты к нам в бригаду.

— Какие тут шутки? Или борода тебя сбивает? Может сединой не вышел, спустимся в шахту, почернею. А насчет учебы — оно еще неизвестно, кому у кого надо учиться работать по-настоящему.

В этот день старик Устинов стал членом комсомольской ударной бригады им. Третьего года пятилетки.

. . . . . .

Опыт работы коммуны имени Шестнадцатого многому учит и должен научить прежде всего низовые партийные, профессиональные, хозяйственные организации. Надо изучить этот опыт, распространить его по всему горняцкому Донбассу, изучить промахи и ошибки, перенять лучшее и это лучшее распространить по всем угольным бассейнам Советского союза через соцсоревнование, через сквозные ударные бригады, через производственные коммуны.

Тогда будет обеспечено выполнение задания партии и всей страны:

— Угольную пятилетку в три года.

1 октября во „всеюзный день ударника“ на шахтах Донецкого бассейна, по инициативе горняков-ударников, были организованы несколько десятков коммун по образцу им. Шестнадцатого...

ГОРНЯЦКИЙ ТЫЛ

БАРЫШНЯ, прошу шахтком семнадцатой.

— Соединила, звоните.

— Семнадцатая? Шахтком? Говорит Валентиновка. Вот какое дело: сегодня у нас играет оркестр, об'явите там ребятам, пусть приходят с семьями. Начало в 5 час. по-новому. После оркестра — может что-нибудь состряпаем. Ну, ладно, ладно... Так ты ж, Семенов, оповести народ... Давно ведь не было вечера.

Этот телефонный разговор происходил на шахтах Ровенецкого крыла в один из августовских дней.

Секретарь шахткома Валентиновки повесил трубку, порылся в бумагах, почитал письмо головного шахткома о необходимости „повернуться лицом к производству не на словах, а на деле“, о перестройке культработы „в соответствии с задачами социалистического строительства“, а потом подумал:

„Может любимовцев еще пригласить? А вдруг много их придет, куда денем? Клуб махонький — с воробьиный зевок. Все ж таки надо. Сообщу только третьему номеру“.

И секретарь утомленно начал вертеть ручку телефонного аппарата, добиваясь Любимовки № 3 через свой коммутатор, через центральную Ровеньки, через любимовский коммутатор.

— Беда, понимаешь, у нас с телефонами, без рук останешься, пока докрутишься, трижды охрипнешь, пока докричишься.

— Барышня, соедините же наконец меня с № 3.

В конце-концов извещена была и шахта № 3. И ее пригласил сегодня секретарь на Валентиновку, где „оркестр будет играть", где „может чего состряпаем..."

Эта форма культурного обслуживания горняков нас поразила. Шахты расположены друг от друга на расстоянии 5-7 километров. И вот попробуйте отшагать после работы 10-14 километров, чтобы услышать... оркестр.

Секретарь тяжело вздохнул и невозмутимо об'яснил:

— Что поделаешь? На все крыло один оркестр—это наш, валентиновский. Шахтеров с семьями наберется тысяч 12, если не больше, а никаких тебе культурных ценностей. Оркестр, драмкружок — все. Вот и ходят из шахты в шахту, хоть что-нибудь послушать, посмотреть.

Представьте теперь, сколько времени, сил и энергии уходит у любителей „послушать", чтобы приложиться к этой „духовной" культуре.

Оркестр — событие на шахте. Спектакль — дата, от которой ведут счет дней, с которой связывают различные факты, имевшие место на производстве, в быту.

Это, говорят, было денька через два после „Соколов и воронов", помнишь, показывали в нашем клубе.

В Донбассе, во „всесоюзной кочегарке",—культурный голод. Да, голод, ибо нехватает культурных бойцов, ибо клубы, красные уголки, дворцы культуры—в нетях.

— Нехватает средств?

— Нет, это было бы клеветой,—огорченно заявляет председатель Ровенецкого головного шахткома. — Деньги есть, денег достаточно, но не на что их тратить. Чего больше, ежели сейчас (разговор шел в на-

чале сентября) у нас собралось несколько тысяч рублей отчислений на культфонд, а их некуда тратить. Потому—нет людей, нет культурников, которые организовали бы, развернули бы по-настоящему работу в шахтах.

И впрямь. В месяцы наивысшего напряжения, наибольшего внимания угольному Донбассу, когда все и вся было брошено на службу углю, в глубоком тылу, в обозе третьего разряда оказалась культработа.

Вечером, после гудка, мы зашли в клуб, что на Валентиновке. В сравнительно просторном зале, с хорошо оборудованной сценой, торжествовала пустота. Стены увешаны старыми, полинявшими от времени плакатами о... Керзоне. Производственные лозунги сохранились с июля 1926 г., когда горняки заключали вседонецкий договор на соцсоревнование. Правда, в углу висело исписанное различными пометками обращение ЦК горняков, которое звало шахтеров Донбасса к XVI с'езду партии возвратить долг стране. И все.

— Что же о прорыве не видать у вас ничего? Как насчет ударничества? Или на Валентиновке все благополучно?

— Где там... Наша Валентиновка,—жалуется старый шахтер Тертыщенко, — самая худшая шахта. Ударничества нет, соревнование замерло, программу выполняем на 40%.

— Клуб не ведет работы потому, что нет завклубом. То есть завклубом числится у нас, жалованье получает, но он не годится. Парень сам признается, что не знает, „чем ее едят, эту самую культработу". Что с него возьмешь?

Где завклубами, культурные бойцы угольного фронта? Нет завклубов. Их не подготовляли, не подготовили, их не прислали—вот и нет.

— А теперь, скажи: будет ли шахтер ходить в клуб, если там он, кроме старых, приевшихся плакатов,

которые он наизусть знает, ничего не видит? Что делать в клубе, если ни лекции, ни доклада, ни читки, ни беседы никогда там не устраивают. Вот и ждем оркестра — он наше спасение. Играет оркестр, придешь хоть послушаешь. Жалко только, что на всю округу один оркестр. Наш он, нашей шахты, Валентиновской, но разрывают его на части. Устраиваются наши ребята, ходят на другие шахты вместе с оркестром.

Мы вспомнили телефонный разговор, который давеча вел секретарь шахткома.

Дворцы культуры. Их единицы. Еще в 1926 г. около десятка прекрасно оборудованных, просторных, светлых, подлинных дворцов было сооружено в шахтах Донбасса. Дворцы культуры—гордость шахтера. Это они должны были стать центром, штабом культурной жизни шахты; это они должны были осветить, точно маяки, искони беспросветную, темную житуху горняка; это они должны были мобилизовать массы на борьбу с прорывом, выковывать новых, сознательных борцов за социалистический Донбасс.

Должны были! А какими застал их производственный прорыв, что делали они в лето 1930 г.?

Они оказались на замке, как и многие, большинство клубов Донбасса. Именно на замке. Разве можно считать работой те киновечера, которые собирали шахтерскую молодежь на картину с участием Мери Пикфорд, Гарри Ллойда и других кинознаменитостей? Разве можно говорить о работе дворцов культуры, если неделями, месяцами были закрыты, пустовали многочисленные хорошо оборудованные комнаты „для занятий" кружков?

На Смолянке — великолепный Дворец культуры. Но спросите любого шахтера-смолянкиновца—есть ли у них клуб, он скажет:

— За клуб что-то не слыхал. Есть вон дворец, но туда мы ходим только в дни революционных праздников, на торжественные собрания да вот еще, когда

работает кино. Сказать правду, и в кино не всегда попадешь: народу—слава тебе, а кино бывает редко, так что пока попадешь на картину и в очереди настоишься, и намаешься, и натолкаешься прямо охота пропадает итти туда.

Из округа, из окружного отдела союза горняков на Смолянку приехал докладчик доложить горнякам о положении на угольном фронте. Собрание назначили во дворце. Редкие плакаты, развешанные в казармах, в шахтерском поселке, извещали о часе открытия собрания, о том, что „в связи с важностью вопроса явка обязательна". Собрание, назначенное „ровно в 5", началось в 7 с хвостиком: маленькая неувязка с временем произошла оттого, что завклубом не успел исправить электропроводку.

Докладчик долго и тягуче говорил о международном положении, о задачах пролетариата Советского союза, а под конец (оратору трижды „дотачивали" время) остановился коротко на прорыве.

— Положение на ваших шахтах вам известно, с показателями вашей работы вы знакомы вон по тому плакату, что висит в фойе дворца, так что я ограничусь лишь призывом всеми силами ликвидировать прорыв.

На собрании присутствовало много, подавляющее большинство—молодняка: батраков, колхозников, комсомольцев, только что пришедших в шахты Донбасса. Они активно выступали, они „крыли" администрацию, профсоюз, весь „треугольник" за плохую встречу, за никудышную организацию труда, за примиренчество к техническим неполадкам, за забвение бытовых нужд шахтеров.

— А культработа? Где она—или тоже в продолжительном отпуску? Докладчик отослал нас за сведениями о состоянии на наших шахтах к плакату, что висит здесь во Дворце труда. Но очевидно докладчик, как и местные „профвожди", не заметил, что

данные эти относятся к... первому полугодию. А ведь сейчас — сентябрь на исходе. Докладчик упомянул здесь о механизации. Почему же он не сказал, что кружки по повышению технических знаний еще и не начинали работать, что состав их, план работы где-то в головах организаторов? Почему забыли здесь о библиотеках, где днем с фонарем не сыщешь книг по техническим вопросам? Почему, оказавшись в плену „технических неполадок" на производстве, треугольник не позаботился о том, чтобы во Дворце культуры, в залах и комнатах, кроме табличек: „Не шуметь, „Не курить, „Соблюдайте тишину", на стенах висели плакаты, таблицы, вводящие горняка в курс дела на шахте? Почему наконец в наших общежитиях, в красных уголках даже не ночевала культурно-производственная работа? После гудка, после физического отдыха нам нечего делать. Люди мыкаются из комнаты в комнату, бродят по двору, по поселку, бездельничают. Потому что наши клубы, наши библиотеки, наша культурная работа еще переживает восстановительный период.

Докладчик не возражал. Он „по-прямому" заявил, что в культработе мы „преступно отстали, что действительно до сих пор „мы не думали как следует над тем, как проводит свое время горняк после гудка, над его политико-техническим воспитанием, а все это имеет большое значение в деле осуществления угольной пятилетки в три года".

Значит, надо думать, надо делать, надо вспомнить о клубах, о Дворцах культуры, надо прежде всего заняться казармой, надо широко использовать многотысячную культурную армию комсомольцев, брошенных в Донбасс на ликвидацию прорыва.

В казармы! Сюда упор и внимание, здесь, как и в шахте, на производстве, формируется новый боец нового, социалистического Донбасса.

. . . . . .

Предшахткома Воробьев долго не мог успокоиться:

— Вот везде и всегда нас кроют за плохие жилища, за невнимание к „мелочам“ рабочего быта. Спорить не буду—безобразий у нас много. Их не счесть и в казармах, и в шахтерских домиках (в последних особенно), сильно „отличается“ и кооперация. Но, знаешь, завтра у нас день бытового смотра, пойдем посмотрим по поселку, заглянем в общежития, в хаты горняков, в кооперативные лавки, в столовые. Посмотрим—тогда и скажем, решим, какое у нас положение, все ли уж так плохо.

На следующий день мы пошли знакомиться с „тылом“ горняка.

Еще в шахткоме, когда намечали маршрут, когда делегаты от жен горняков подсказывали, где слабо, где плохо, куда надо пойти, чтобы „изничтожить плохую житуху“, Воробьев говорил:

— Знаем, хорошо знаем, что армия будет успешно драться и побеждать, когда тыл хорошо организован. Сам небось дрался на фронтах, знаю, что значит тыл. Донбасс сейчас—фронт, угольный фронт; каждый шахтер—боец. Будет хорошо слажен его тыл—будет успешно он драться, будем выполнять и перевыполнять программу.

Сначала—в нацменовскую казарму. Здесь живут казанские татары. Кто знает Донбасс, его историю, тот помнит, в каких условиях жили эти группы наиболее производительных рабочих.

Сезонное быдло, конинное отродье—так называли их старые шахтовладельцы и бросали в нетопленые, прокуренные сараи, без окон и дверей, халупы, где горняки-татары с семьями ютились „в два этажа“.

А сейчас? Нацменовские казармы — одни из лучших общежитий, за которыми почему-то по старой, проклятой памяти сохранилось название — бараки. Хорошо оборудованные, чистые (в каждом общежитии—уборщицы), светлые, они служат яркой иллюстрацией того,

как много сделало пролетарское государство, чтобы улучшить быт рабочих.

Правда, до идеального положения далеко, но то, что представилось взору, убеждало: „человеческие условия“ созданы.

Да, казармы (и не только нацменовские)—это достижение угольного Донбасса. Одна беда—их мало, донельзя мало. Они удовлетворяют лишь очень незначительный процент рабочих в жилье. Жилищный кризис попрежнему остро чувствуется на каждой шахте.

Режет строительный трест. Его кисельные темпы строительства вызывают справедливое негодование администрации шахты; многомесячная постройка одноэтажной казармы подымает ярость горняков.

Казарм, общежитий еще очень недостаточно. Подавляющая масса горняков, коренных шахтеров, живет в своих или шахтных домиках.

— Здесь, Воробьев, у тебя слово расходится с делом. Смотрите, в этих хатенках „на курьих ножках“ с продырявленными крышами живут горняки, подчас с многочисленным семейством. Почему большинство этих жилищ в полуразрушенном состоянии?

— Товарищ, седьмой год живем, никакого ремонта не видим. Сами уже собирались чинить, просили помощи и в рудсовете, и в шахткоме, и в конторе. Куда там—с осени откладывают на весну,с весны на осень. Приходится латать наш „дворец“ чем попало.

— Воробьев, ты молчишь? Держи ответ, почему в гроб загнали жилища? Почему не следишь за тем, чтобы уборные, вереницей выстроившиеся вдоль улицы поселка через каждую третью хату, не „сквозили“ из-за оторванных досок, почему помойные ямы отравляют воздух всего поселка? Вот она „мелочь“, до которой никому нет дела. А ты говоришь о крепком тыле!

Возле кооператива выстроилась длинная очередь. Нет, не выстроилась, группами стояли с кошолками,

с жестяными бидонами жены горняков, горняки, их дети, активно обсуждая „очередное дело". Они ждали, пока закончится в магазине подсчет товаров и „потребиловка" возобновит отпуск продуктов.

— Воробьев, видишь очередь! Значит, в „тылу" не все ладно.

— Что ж, кооперация еще не успела перестроиться.—

Не успела, но доколе же?

В летние месяцы, когда Страна советов бросила лозунг: все для Донбасса, когда со всех концов пролетарской страны в Донецкий бассейн потекли промышленные товары, продукты питания,—где оказалась кооперация?

— В хвосте! „Нэпманский душок" поразил здесь почти все звенья кооперативного аппарата, который не смог, не сумел расставить свои силы, организовать работу так, как этого требовали партия, вся страна.

В результате — многочасовые очереди рабочих потребителей за товаром, о наличии, о качестве, о времени прибытия которого не знали даже кооператоры. В результате—гнилые овощи, которые гнили потому, что их не успевали во-время распределить. В результате—кислое молоко и порченые яйца, потому что молочные продукты доставляли на волах, потому что не в чем, негде было их хранить.

— Ох, потребиловка в печенках сидит.

Эти жалобы можно было услышать на каждой шахте, у каждого ларька. О них все знали, их все слышали, но... очереди продолжали маяться у магазинов, но рабочие, их семьи продолжали терять часы в „хвостах".

— Отрубите хвосты,—властно требовали горняки.

— Воробьев, что ты сделал, чтобы выполнить требование горняков?

Ничего или почти ничего.

И нужен был нажим, крепкий нажим „сверху", чтобы, пробудив горняцкую рабочую общественность, при помощи актива широких потребителей, вправить мозги

донецким кооператорам, заставить их работать на уголь.

Сентябрьский „хвост“ из кооператива на Смолянке — это отходящая дань, одна из последних отрыжек июньских, июльских, августовских безобразий в работе „потребиловки“, никчемностей, бездеятельности, безинициативности кооперативного аппарата. В сентябре кое-чему научились, очереди встречались „выпадково“ (случайно).

— Эх, Воробьев, а ты говоришь, что уход рабочих, что текучесть, что невыполнение программы — „об'ективные причины“. Кооперация — вот твой „об'ектив“...

Мы подходили к столовой.

Воробьев предупреждал:

— Здесь еще не совсем наладили, часто дает она перебои. Потому, знаешь, столовая рассчитана на 1 000 блюд в сутки, а вот уже третью неделю отпускает в день по 7 000 блюд.

В столовой—скандал. Нет ложек: шахтеры, вышедшие из шахты в 3 часа, до сих пор (часовая стрелка „ходиков“ приближалась $4^1/_2$ час.) не успели пообедать. А пора было б уже и отдохнуть.

Завстоловой спокойно сидел в своем кабинете и высчитывал: к обеду нужно 250 ложек, налицо 70— значит накормим шахтеров часам к 6. Но что делать— с 4 начинают приходить рабочие, которым в пять спускаться в шахту.

— Миша, позвони в Сталино, пускай привезут ложки. Нет, постой, уже поздно.

И в голове у зава рождается гениальная мысль: отменить первое, обойдутся без борща. Соломоново решение! Первое блюдо было отменено, возмущенная очередь быстро двинулась к кассе, борщ пошел на свалку...

А в кооперативе, в пяти шагах от столовой, полки ломились от алюминиевых ложек.

— Воробьев, видел, слышал? А знаешь ли ты, что в столовой, которой заведует этот головотяп, ложек уже нехватает 4 дня? Знаешь ли ты, что вчера утренняя смена спустилась в шахту без завтрака, потому что возчик запьянствовал и не привез хлеба? Знаешь ли, что ежедневно на свалку выбрасывают тонны мяса, макарон, выливают ведра молока, супа, борща, потому что повар—пьяница, вредитель, портит продукты.

Знаешь? Конечно знаешь. В шахтком не раз рабочие подавали заявление, сегодня рано утром приходили комсомольцы в шахтком и требовали привлечения к ответственности завстоловой, предания суду повара. А ты читал, слышал, хлопал ушами и обещал... увязать и согласовать.

Теперь скажи: казарма—тыл? Тыл. Жилье рабочих—тыл?—Тыл. Кооперация—тыл?—Тыл. Столовая, общественное питание—тыл?—Тыл.

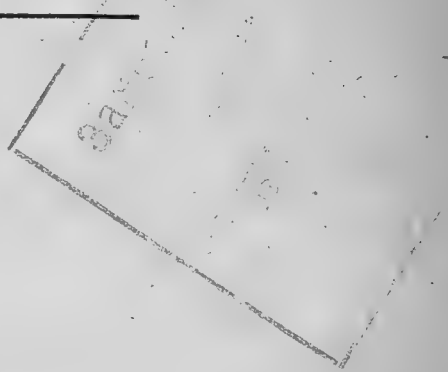
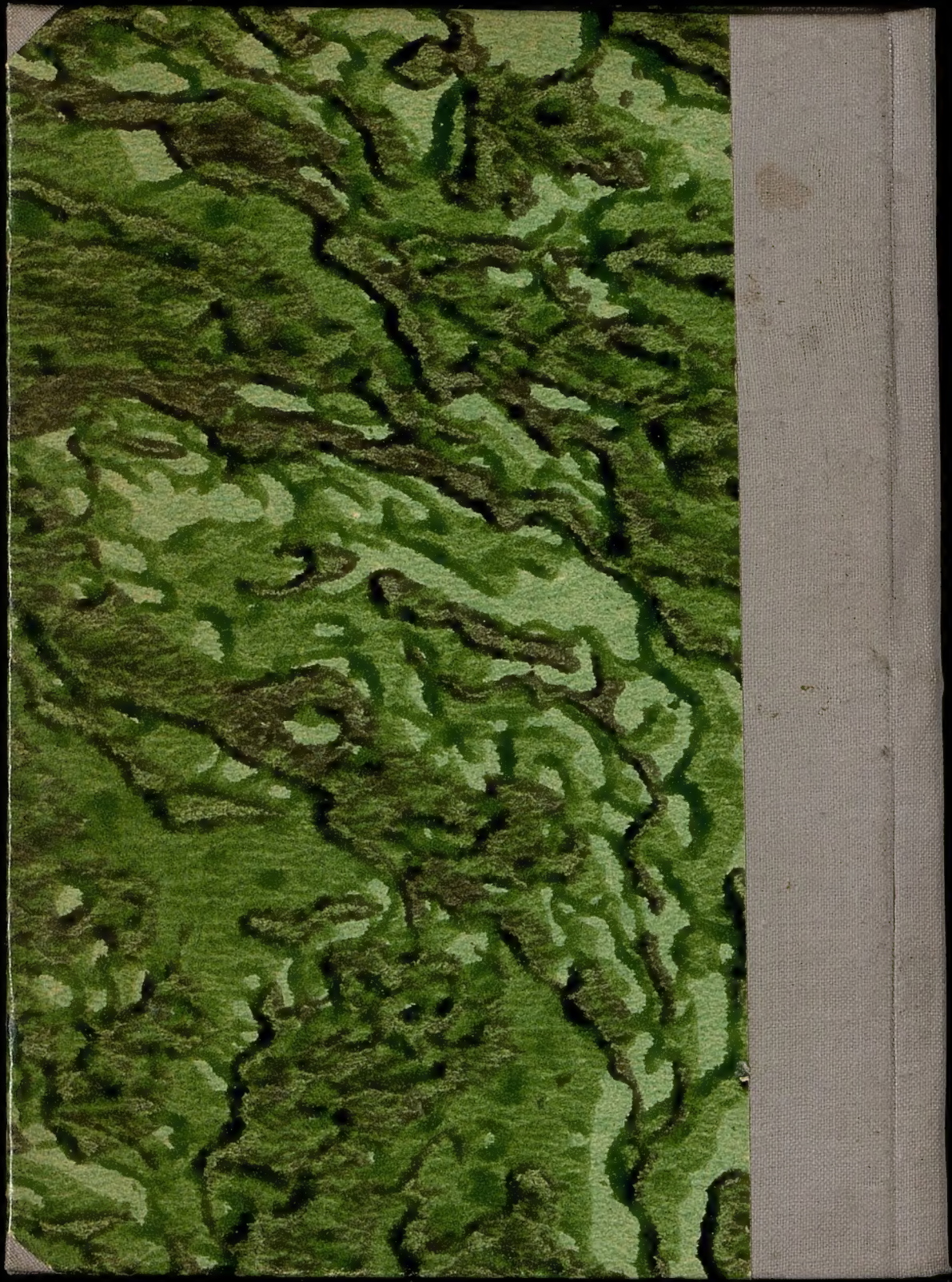
Так почему же слово твое так вопиюще расходится с делом?

И Воробьев, и бытовые „неполадки“ в его „епархии“ к величайшему сожалению не единичны. Глубокий производственный прорыв в угольном бассейне корнями уходил в те многочисленные безобразия, с которыми сталкивались горняки на каждом шагу не только на производстве, но и в повседневном быту. Растерянность и безынициативность, помноженные на косность и расхлябанность низовых звеньев партийного, комсомольского, хозяйственного, профсоюзного и кооперативного аппарата, питали текучесть, летунство, способствовали падению трудовой дисциплины, низкой производительности труда.

Многие недостатки, которыми одержим был Донбасс в последнюю четверть прошлого хозяйственного года, живы еще сейчас. Тем сильней, тем мощней, тем сокрушительней должен быть удар по всему тому, что

мешает, тормозит, задерживает осуществление большевистских темпов в борьбе за топливо, за уголь, за „хлеб для промышленности".

Стране, победоносно строящей социализм на одной шестой части мира, нужен уголь. Донбасс должен дать этот уголь!

Август—октябрь 1930 года.

4/225